Русскій Архивъ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Совѣщайтесь съ прошедшимъ: оно не обманетъ, но благодѣтельно предостерегаетъ.

Кто-то.

1905.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1905.

ЗАПИСКИ ОТСТАВНОГО ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА СЕРГѢЯ ИВАНОВИЧА МОСОЛОВА.

Исторія моей жизни.

Начаты писать въ г. Бронницахъ, что по Коломенской дорогѣ, ибо я тамъ жилъ.

1806 года Февраля 3 дня.

Родился я 1750 года подъ планетою Тельца. Отецъ мой, Иванъ Григорьевичъ Мосоловъ, отставной отъ артиллеріи капитанъ, то замѣтилъ; ибо онъ зналъ многія науки, какъ-то: астрономію, фортификацію и всѣ части математики, говорилъ по-нѣмецки, и потому къ намъ многіе знатные господа ѣзжали. Отецъ крестный мнѣ былъ Петръ Степановичъ Колычевъ, а мать крестная—княгиня Вяземская. Обо всемъ томъ мнѣ мать дала записку, какъ я отправлялся въ службу [1]). Отецъ и мать были изъ Россійскихъ дворянъ; за ними было въ уѣздахъ Шацкомъ и Муромскомъ 32 души. Мать моя была роду Шапошниковыхъ и жила послѣ смерти отца моего въ селѣ Апушкѣ, Шацкаго уѣзда, въ которомъ селѣ отецъ мой похороненъ въ приходѣ своемъ, при церкви престола Казанской Богоматери у головы алтаря; надъ могилою его и камень послѣ отъ меня положенъ съ надписью, присланный изъ Москвы, какъ я еще былъ секундъ-маіоромъ. Скончался онъ 1760 года. Передъ кончиною жизни своей позвалъ меня къ себѣ и, давъ руку поцѣловать, благословилъ меня своими походными складнями [2]), образомъ Казанской Богоматери; тутъ же его ангелъ, Іоаннъ Креститель и Николай Чудотворецъ. Сей образъ во всѣхъ баталіяхъ, штурмахъ и сраженіяхъ всегда былъ со мною на груди, и понынѣ, благодарю Бога, у меня цѣлъ. Хотя, во время нашествія злыхъ Французовъ въ Москву, все у

[1]) Да и книги многія тѣхъ наукъ, послѣ какъ я пріѣхалъ изъ арміи въ отпускъ, мать мнѣ отдала, и скорописныя тетради его руки съ разными замѣчаніями.

[2]) Отецъ мой всю войну служилъ Семилѣтнюю противъ Пруссіи и былъ въ разныхъ баталіяхъ и походахъ, о чемъ мнѣ мать послѣ часто говорила и отдала мнѣ всѣ книги военныя и тетради его руки.

меня ограблено и сгорѣло, но образъ, благословеніе отца моего, остался чудеснымъ случаемъ невредимъ и цѣлъ.

Въ селѣ Апушкѣ, гдѣ мы жили, выучили меня грамотѣ по-россійски читать и писать, черезъ дьячка приходской церкви Казанской Богоматери. Въ продолженіе же времени отъ 7 лѣтъ до 10-ти съ отцомъ я ходилъ каждый разъ, когда служба была, къ обѣднѣ и вечернѣ по его волѣ, хотя и очень лѣнился и не хотѣлось; а особливо когда къ заутреня идти (что очень рѣдко отецъ мой манкировалъ) вставать рано трудно было мнѣ, а еще больше скучнѣе мнѣ бывало, когда не пустятъ меня овецъ своихъ беречь, до чего я былъ великій охотникъ. Всякій разъ, какъ отецъ ложился на постелю спать, то заставлялъ меня читать Псалтырь; сію книгу отмѣнно онъ почиталъ предъ прочими.

Поживши въ селѣ Апушкѣ, мать моя Дарья Трофимовна поѣхала къ сыну, а моему брату большому въ г. Арзамасъ (его звали Иванъ Ивановичъ Мосоловъ, онъ служилъ по штатской службѣ, былъ въ томъ городѣ секретаремъ), гдѣ меня и оставила на два года. Правду сказать, тамъ мнѣ было очень худо жить отъ невѣстки отмѣнно злой; а опосля мать моя опять пріѣхала въ г. Арзамасъ, откуда взяла и меня домой въ Апушку.

Собравшись зимою, мать моя повезла меня въ Москву, гдѣ по милости графини Прасковьи Юрьевны Салтыковой, съ которой она была знакома, по службѣ моего отца Ивана Григорьевича, упросила фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова [*]) записать меня въ службу, почему и записанъ былъ въ Архангелогородскій полкъ мушкетерскій солдатомъ. Самъ фельдмаршалъ взялъ меня за руку и отдалъ господину полковнику Неронову Павлу Васильевичу. То было въ залѣ, въ какой-то торжественный праздникъ, ибо тогда много было полковниковъ, и сказалъ «чтобы онъ, причисливши меня въ полкъ, приказалъ имѣть о мнѣ попеченіе и учить всему, что принадлежитъ для службы». Нероновъ, взявши меня къ себѣ, спрашивалъ: «не имѣю ли я у него въ въ полку кого знакомаго». Я отвѣчалъ, что мать моя мнѣ сказывала, есть у васъ подпоручикъ со мной одной фамиліи Андрей Степановичъ Мосоловъ; почему полковникъ и опредѣлилъ меня въ ту же роту, гдѣ онъ служилъ, во 2-ю мушкетерскую солдатомъ. Сіе было 1785 года Февраля 5 дня. Тогда отъ роду было мнѣ 15 лѣтъ. Онъ призвалъ его къ себѣ, поручилъ меня ему, приказавъ, чтобъ меня обмундировали и ружьемъ учить. У него уже нашла меня мать моя Дарья Трофимовна Мосолова.

[*]) Отецъ мой во время Прусской войны съ нимъ служилъ.

Полкъ Архангелогородской весь стоялъ въ Таганкѣ, гдѣ и братъ Андрей Степановичъ Мосоловъ жилъ въ ротѣ 2-й мушкетерской у капитана Арбекова. Братъ заставлялъ одного солдата учить меня всему, что требуетъ служба, а какъ одѣли меня въ мундиръ солдатскаго сукна, то я такъ былъ радъ сему, что теперь и не могу сего объяснить, а особливо выучившись экзерциціи ѳетать ружьемъ и повороты дѣлать по-солдатски. И потомъ представленъ былъ полковнику своему съ ружьемъ, который похвалилъ меня и произвелъ въ подпрапорщики, что было того жъ года Марта 16 дня. Получа сей чинъ, мать моя повезла меня въ тотъ же день къ графу Петру Семеновичу Салтыкову съ благодареніемъ, и я какъ графа, такъ и графиню Прасковью Юрьевну благодарилъ, уже былъ въ мундирѣ и съ двумя позументами. Послѣ сего и на караулъ ходилъ, къ полковнику на квартиру, къ знаменамъ полковымъ съ 12 человѣками рядовыми, однимъ капраломъ, барабанщикомъ и флейщикомъ, а какъ лѣтомъ смотръ кончился всѣмъ полкамъ Московской дивизіи, то полки пошли по своимъ непремѣннымъ квартирамъ.

Нашего Архангелогородскаго полка были квартиры въ городѣ Масальскѣ, куда и я, простясь съ матерью, пошелъ въ походъ, имѣвши уже 16 лѣтъ, подъ протекціею брата Андрея Степановича Мосолова, которому меня мать поручила и просила, чтобъ меня по родству въ нуждахъ не оставилъ, давши мнѣ на путь и на прочее три рубля серебромъ, со мной простилась и неутѣшно плакала.

Итакъ, пришедши полкъ въ городъ Масальскъ, расположился по квартирамъ, по деревнямъ; одинъ только штабъ и унтеръ-штабъ остались квартировать въ самомъ городѣ, ибо оный городъ не великъ мѣщанствомъ. Чрезъ нѣсколько времени нашъ полковникъ Павелъ Васильевичъ Нероновъ, собравъ всѣхъ малолѣтнихъ дворянъ изъ ротъ къ себѣ въ штабъ, учредилъ гимназію, выписавъ изъ Москвы учителя богословія и математическаго класса, отставного студента Теплова, который насъ училъ читать и писать правильно, т. е. Россійской грамматикѣ, чтобъ узнать раздѣленіе и склоненіе рѣчей, ихъ надежи и прочему, часть риторики, а потомъ преподавалъ ариѳметику, геометрію, тригонометрію, алгебру, исторію священную и древнюю и богословіе.

Полковникомъ были куплены въ Москвѣ книги и инструменты; для бѣдныхъ дворянъ покупалъ на свой коштъ, а богатые дворяне, учившіеся тутъ же, сами покупали, и былъ сдѣланъ о двухъ флигеляхъ нарочно большой домъ, въ одномъ флигелѣ учились дворяне, а въ другомъ солдатскія дѣти, и насъ было всѣхъ дворянъ около 70 человѣкъ, а солдатскихъ дѣтей почти тоже. Между тѣмъ учились и ружью, ходили на караулъ и на ординарціи по очереди, какъ къ полковнику подъ знамена, такъ и на гаубтвахту къ своей гимназіи. Надъ нами сверхъ того приставленъ былъ поручикъ Михайло Борисовичъ Загряцкій и названъ директоромъ смотрѣть за нашимъ поведеніемъ въ квартирахъ и за опрятствомъ учебныхъ мѣстъ и нашей аммуниціи ружейной. И не знаю, Провидѣніе ли мнѣ подтверждало или отъ страху къ учителю, только Богъ мнѣ даровалъ, что предъ прочими моими товарищами я ушелъ какъ въ наукахъ, такъ и въ исполненіи должности по службѣ, и за то по экзамену, который былъ сдѣланъ въ глазахъ полковника и всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, меня полковникъ произвелъ сержантомъ, того же года Августа 6 дня, а учитель далъ достоинство (за прилежаніемъ по наукамъ) цензора, и многихъ дворянъ мнѣ подчинилъ для поправленія ошибокъ въ ихъ урокахъ и растолкованія. У сего учителя Теплова я выучился грамматикѣ, правильно писать и знать склоненіе словъ и рѣчей, ариѳметикѣ, геометріи и части тригонометріи и фортификаціи; также объяснялъ намъ исторіи разныя, натуральную и древнюю, географію и богословіе. А по-французски учился я только 9 мѣсяцевъ, ибо учитель былъ нанятъ другой не скоро, коего звали m-r de Grave. А на третій годъ въ манежѣ учились немного отъ офицера отставнаго кавалерійской службы; танцовать же намъ показывалъ самъ директоръ Загряцкій. А потомъ все это кончилось походомъ.

Полкъ выступилъ и помаршировалъ въ Польшу въ 1767 году въ исходѣ онаго, а на рандеву собрались въ Польшѣ въ 1768 году. Въ походѣ я былъ пѣшкомъ и ружье несъ, а иногда родственникъ мой Мосоловъ и капитанъ мой Бестужевъ Ѳедотъ Борисовичъ давали мнѣ свою верховую лошадь, когда увидѣли, что я усталъ. При началѣ 1769 года полковникъ меня приказалъ опредѣлить на помощь къ адъютанту Пыжову, и назывался я флигель-адъютантомъ въ томъ же сержантскомъ званіи и весь 1769 годъ служилъ въ Молдавіи.

Апрѣля 19 дня подъ Хотиномъ былъ я при атакѣ во второй разъ непріятельскаго ретраншемента и взятіи Хотина. Послѣ экспедиціи второй ночной, Турки испугавшись, что много мы ихъ перекололи, а другіе перетонули, спасаясь, хотѣли переплыть по Днѣстру-рѣкѣ и городъ Хотинъ оставили намъ. Тогда былъ у насъ фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Прежде два раза къ городу ходили, но назадъ на свою сторону перешла армія. Тутъ Турки возгордились, къ намъ переправились черезъ рѣку Прутъ, которыхъ мы всѣхъ ночью перерѣзали, застали сонныхъ въ ихъ ретраншементѣ. Господинъ бригадиръ Кашкинъ съ колоною своею больше всѣхъ отличился, а потомъ Сухотинъ и прочіе; такъ о семъ было слышно. И послѣ сего славнаго раз-

битія фельдмаршалъ Голицынъ откомандировалъ деташементъ подъ командою генералъ-поручика фонъ-Штофельна, который, преслѣдуя остатки непріятеля, почти дошелъ до Дуная, взявши Молдавскій городъ Яссы, Волошской Бухарештъ, гдѣ послѣ, какъ мы уже туда жъ съ полкомъ пришли, онъ умеръ чумой въ семъ же городѣ. Забылъ я написать, прежде еще подъ Хотиномъ была въ 1769 году Іюня 2-го дня полевая баталія, ибо нашъ полкъ былъ въ арьергардѣ, какъ шли назадъ отъ непріятеля, и тутъ отличилась первая гренадерская рота подъ командою капитана Трегубова: онъ дрался болѣе 8 часовъ, пока весь полкъ подоспѣлъ и конница; видно не думали, чтобъ на обозъ напали Турки; за что фельдмаршалъ Голицынъ сего капитана въ секундъ-маіоры произвелъ за спасеніе обоза, а прочихъ офицеровъ той же роты слѣдующими чинами наградилъ и солдатамъ по рублю далъ.

Въ началѣ 1770 года Января 1-го, по представленію полковника Неронова, произведенъ я былъ въ настоящіе адъютанты на ваканцію графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ; ибо послѣ отъѣзда въ Петербургъ князя Голицына, сей Румянцевъ присланъ отъ Государыни Екатерины Алексѣевны командовать первою арміей, которую онъ осматривалъ, пріѣхавши къ намъ, при мѣстечкѣ Чертчи, самъ былъ верхомъ и всѣ линіи объѣхалъ и говорилъ публично при разводахъ, что побѣды, которыя «я теперь получаю отъ переднихъ войскъ, оныя совершаются отъ мудраго распоряженія и терпѣнія фельдмаршала Голицына, съ малѣйшимъ урономъ солдатъ».

Въ ономъ 770 году, уже подъ начальствомъ графа Румянцева, въ отдѣльномъ корпусѣ князя Николая Васильевича Репнина, нашъ полкъ находился въ баталіи Іюля 7-го въ Молдавіи и при взятіи непріятельскаго ретраншемента и лагеря, а 21-го на полевой баталіи при озерѣ Кагулѣ; тутъ взяли также лагерь, обозъ и пушки. Насъ было не болѣе 30 тысячъ, регулярнаго и нерегулярнаго войска, а ихъ около двухъ сотъ тысячъ. Послѣ занятія ретраншемента и всего ихъ добраго перешли мы и Троянову дорогу славную по древней исторіи. Многіе дивизіонные генералы просились съ корпусами догнать и разбить остатки непріятеля, но графъ имъ отвѣчалъ: «мы, батюшка, только ихъ прогнали, а не побили, этому непріятелю нехудо и мостъ поставить». При атакѣ силы Турецкой и при входѣ въ ретраншементъ потерпѣло много каре генерала-поручика Племянникова; ибо паша съ янычарами, вышедши вонъ изъ ретраншемента, съ боку нечаянно на насъ напалъ, что услышавши графъ Румянцевъ велѣлъ тотчасъ туда бѣжать на помощь полку первому гранодерскому, и командовалъ самъ: ступай, ступай, за что полкъ и названъ именнымъ повелѣніемъ лейбъ-гранодерскимъ, и чины всѣмъ даны были.

Уже на другой день къ вечеру генералъ Боуръ пошелъ съ деташементомъ къ рѣкѣ Дунаю, гдѣ и нашъ полкъ былъ, а во время баталіи при озерѣ Кагулѣ нашъ полкъ находился въ каре подъ командою князя Николая Васильевича Репнина, противъ ихъ праваго фланга, въ фасѣ подъ командою бригадира Веймана, что послѣ сдѣлался славнымъ генераломъ. На третій день къ свѣту туда мы пришли, гдѣ они переправлялись чрезъ Дунай, и застали ихъ еще болѣе 10 тысячъ, съ которыми подрались и многихъ взяли въ полонъ, а другіе ушли къ городу Измаилу. Остановясь у переправы Казаки, многихъ вытаскивали изъ воды мертвыхъ во всей одеждѣ и бронѣ, но только руки были обрублены; видно, цѣплялись за суда, кои отваливались отъ берегу.

Въ 1771-мъ году Октября 21-го, при атакѣ и взятіи за Дунаемъ города Мачина, подъ командою генералъ-маіора Милорадовича въ дѣйствительномъ сраженіи, и въ Октябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ флотиліею отъ Браилова до Силистріи по Дунаю подъ командою генералъ-маіора Григорія Александровича Потемкина, что послѣ былъ свѣтлѣйшимъ княземъ, и 28-го при деревнѣ Рожсеватой было сраженіе и на землѣ, и на водѣ. При выходѣ на правый берегъ были Турки отбиты, и суда потомъ свободно прошли; а послѣ были распущены по квартирамъ, и досталось нашему полку Архангелогородскому стоять въ Букарештѣ, гдѣ была чума; тутъ я боленъ былъ оною, но къ счастію выздоровѣлъ, а собственный мой слуга Леонтій Григорьевъ въ той же болѣзни умеръ; а я въ предосторожность всякій день мылся три раза уксусомъ крѣпкимъ простымъ, и принужденъ былъ курить табакъ, хотя мнѣ было еще только 21 годъ.

Потомъ въ 772-мъ году былъ въ походѣ и въ сраженіи подъ городомъ Турною, Октября 26-го при бомбардированіи города Рущука, а Ноября 3-го при переправѣ у Туртукая, на супротивный берегъ Дуная, а потомъ у Рущука, гдѣ и была главная баталія; тутъ отличился нашего полка капитанъ Иванчинъ, а какъ по рекомендаціи графа Ивана Петровича Салтыкова ему ничего не дано, то и пошелъ въ отставку; онъ подъ берегомъ крутымъ съ своею ротою 1-ю гранодерскою на пятыкахъ дрался съ Турками, которые хотѣли въ тылъ намъ зайти, ибо мы стояли тогда покоемъ, задній фасъ у насъ былъ Дунай-рѣка. Тутъ они храбро на насъ шли, думая, что такую жъ побѣду получать, какъ имъ удалось взять въ плѣнъ полковника князя Петра Васильевича Репнина съ полкомъ уже разбитымъ прежде сего.

Какъ отбили непріятелей и прогнали, графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ (онъ былъ нашъ начальникъ) обложилъ войсками почти со всѣхъ сторонъ городъ Рущукъ, что̀ противъ Журжи, гдѣ 14 Іюня близъ онаго въ дѣйствительномъ сраженіи я находился въ отдѣленномъ 2-мъ баталіонѣ въ садахъ подъ командою подполковника де-Ласія, и отъ него же высланъ былъ съ ротою 9-ю мною командуемой противъ вылазки Турокъ изъ города Рущука, которую разбилъ и прогналъ, потерявъ самъ до 30 человѣкъ, за что по рекомендаціи за отличность и награжденъ былъ капитанскимъ чиномъ, ибо я былъ уже поручикъ, въ который чинъ былъ произведенъ по линіи 773-мъ году Генваря 1-го дня. Уже оный капитанскій чинъ получилъ по заключеніи мира при Кайнарджи въ 1774-мъ году Ноября 24 дня.

Забылъ я написать походъ нашъ къ урочищу, прозванному Рябыя Могилы, съ княземъ Репнинымъ, противъ которыхъ Татары и Турки два раза насъ атаковали, перейдя чрезъ рѣку Прутъ, при урочищѣ, названномъ Рябая Могила (на томъ мѣстѣ императоръ Петръ I-й былъ атакованъ, гдѣ онъ съ Турками и заключилъ миръ 1711-го года Іюня 13 дня), но были съ урономъ отбиты; тутъ мы много нужды претерпѣли, мало было провіанту, а обозъ нашъ былъ отъ насъ далеко; то даже и офицеры ѣли два дни только одну жареную говядину, а какъ привезъ намъ капитанъ Бишевъ понтонные мосты, то уже мы стали переправляться на непріятельскую сторону и ихъ прогнали, тутъ и Боуръ къ намъ подоспѣлъ съ деташементомъ. Да еще забылъ походъ съ генераломъ-маіоромъ Черноевичемъ по Пруту къ Журжулесту или Репнику, почти всякій день съ Татарами стычка была; сія крѣпостца лежитъ противъ Галаца на другой сторонѣ рѣки Прута; сіе было передъ 7-мъ числомъ Іюня 1770 года.

Послѣ жъ окончанія войны полкъ Архангелогородской пришелъ въ Польшу въ село Красное, гдѣ далъ мнѣ полковникъ въ команду 1-ю гранодерскую роту, а потомъ какъ полковникъ нашъ Матвѣй Петровичъ Ржевской уѣхалъ изъ полка въ отпускъ, оставилъ полкъ подъ командою подполковника Шипилова, который отъ слабости команды полкъ разстроилъ, и офицеры нѣкоторые зачали пить, а другіе между собою драться, я отъ сего, чтобы удалиться, переведенъ былъ (по прошенію моему въ 775 году Сентября 20-го) въ 4-й гранодерской полкъ, въ которомъ былъ полковникомъ Петръ Ѳедоровичъ Талызинъ, гдѣ получилъ я въ командованіе 11-ю роту. Въ ономъ полку я служилъ почти три года, въ Польшѣ и въ квартирахъ Смоленской губерніи, въ городѣ Рославлѣ, а стояли лагеремъ близъ Смоленска.

Изъ онаго переведенъ я по повелѣнію его сіятельства господина генералъ-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго ко укомплектованію вспомогательнаго корпуса, состоящаго въ Польшѣ подъ командою генералъ-поручика Павла Сергѣевича Потемкина, въ Кіевской пѣхотной полкъ 778-го года Октября 4-го дня, по представленію сего полка полковника Степана Степановича Апраксина. Въ томъ же полку меня пожаловали, по именному указу 780-го года Сентября 19-го дня, въ секундъ-маіоры за то, что въ Могилевѣ вмѣсто гвардіи былъ посланъ я содержать караулъ при государынѣ Екатеринѣ II-й, а уже полкъ Кіевскій былъ на караулѣ въ Санктъ-Петербургѣ. При открытіи монумента или статуи царя Петра I-го былъ въ церемоніальномъ маршѣ; тогда полкъ удостоенъ былъ вмѣстѣ со всею гвардіею, и нашего полку какъ штабъ и оберъ-офицеры, такъ и всѣ чины даже и рядовые за тотъ день въ знакъ достойной памяти получили медали. Я былъ верхомъ передъ 2-мъ баталіономъ, и при входѣ еще въ Петербургъ чрезъ Царское Село императрица Екатерина II-я изволила пожаловать нижнимъ всѣмъ чинамъ по 1-му рублю, а штабъ и оберъ-офицерамъ указала объявить свое монаршее благоволеніе. У насъ и тогда былъ тотъ же полковникъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ. Нашъ полкъ еще и прежде былъ на караулѣ вмѣсто гвардіи у Императрицы, въ городѣ Могилевѣ, какъ изволила шествовать изъ Петербурга, о чемъ я уже упомянулъ, а потомъ полкъ Кіевской изъ Петербурга пришелъ зимовать въ городъ Нѣжинъ подъ команду опять фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго; а оттуда пошли для покоренія Крыма или Таврической области. Тамъ состояли въ 782 и въ 783 годахъ подъ командою свѣтлѣйшаго князя Потемкина, по повелѣнію коего я былъ переведенъ въ драгунской Астраханской полкъ, находящійся на Кавказской линіи въ 784-мъ году Августа 1-го дня, куда я по сдачѣ полка Кіевскаго старшему по себѣ (ибо тогда я имъ въ Крыму командовалъ, какъ полковникъ Апраксинъ уѣхалъ ко двору ея величества въ разсужденіи должности флигель-адъютанта). Будучи жъ въ Крыму я для полку строилъ и казармы, отправился потомъ на Кавказскую линію, заѣхалъ однакоже въ Москву, такъ было мнѣ приказано отъ полковника Апраксина; ибо и онъ прежде меня переведенъ былъ именнымъ указомъ въ тотъ же драгунской Астраханской полкъ.

Въ Москвѣ я пробылъ 4 мѣсяца и влюбился въ живущую тутъ же въ домѣ Степана Степановича у сестры его Марьи Степановны Талызиной, въ монастырку дѣвушку пристойную, Настасью Ивановну Бутрюмову, которая у нихъ жила, была выучена въ монастырѣ говорить хорошо по-французски и писать, танцовать, пѣть по нотамъ и играть немного на фортепіанѣ. Помолвившись съ ней формальнымъ образомъ,

уѣхалъ служить на Кавказскую линію въ Астраханской полкъ, въ коемъ былъ болѣе 4 лѣтъ.

Въ продолженіе сего времени 785-го Іюня 8-го, переправясь чрезъ рѣку Терекъ на Сунжѣ, прогнали толпы бунтовщиковъ Чеченцевъ; послѣ уже того какъ бригадиръ Піерін разбитъ отъ Шикапли-имама въ дефиле, называемой Ханкалѣ, гдѣ и самъ убитъ былъ, а подполковникъ егерской пропалъ Каморской, а баталіонъ егерей и 2 гранодерскія роты совсѣмъ разбиты были отъ его зависти, что Піерін не хотѣлъ раздѣлить съ нами надъ непріятелемъ побѣду и отъ того самъ пропалъ, велѣно всѣмъ собраться къ Сунжѣ-рѣкѣ 7 числа; а Піерія пришелъ 6-го, а переправившись началъ дѣйствіе одинъ съ своимъ отрядомъ.

Послѣ сего два лѣта я содержалъ кордонъ отъ Наура до Кизляра, уже былъ произведенъ примiеръ-маіоромъ 786 года. Въ командѣ у меня, были 4 гранодерскія роты и 60 человѣкъ Гребенскихъ казаковъ. Гребенскими казаками они названы еще при жизни царя Петра I-го, потому что они возвратились съ гребня горъ Кавказскихъ; ушедшіе изъ стрѣльцовъ Россійскихъ и были прощены отъ Петра I-го послѣ заложенія крѣпости Кизляра, почему они тамъ и поселены въ трехъ станицахъ. Сіи казаки точно также одѣты и наѣздка на лошадей такая жъ какъ Черкесы; и 160 человѣкъ Калмыковъ: эти только тогда храбры, какъ погонишь непріятелей, а какъ самъ ретироваться станешь, то первые жъ уйдутъ.

Потомъ дали мнѣ егерской баталіонъ, съ нимъ также одно лѣто служилъ, но не удалось подраться, а потомъ какъ велѣно генералу Текелію, нашему начальнику Петру Абрамовичу, идти съ корпусомъ для диверсіи въ крѣпости Анапѣ, что на Черномъ морѣ во флангѣ Кавказскихъ горъ; а потомъ 788-го года при переправѣ за Кубань, какъ шли къ Анапѣ, я былъ тогда у генералъ-маіора князя Ратеева дежурнымъ, за штабъ-квартермистра и партизаномъ; сіи три должности отправлялъ при авангардномъ корпусѣ, нашелъ мѣсто, гдѣ переправился цѣлый корпусъ чрезъ Кубань-рѣку, отбилъ отъ онаго непріятеля, сдѣлавъ въ другомъ мѣстѣ фосъ-переправу съ Гребенскими казаками и съ двумя ротами егерей, за что меня хотя и рекомендовали, что первый переправился за Кубань, но ничѣмъ не наградили; а въ статутѣ кавалеровъ Святаго Георгія сказано, кто первый переправится на непріятельскую сторону, тому дать крестъ.

Въ маршѣ при рѣкѣ Кубани того жъ года Сентября 26 дня въ генеральномъ сраженіи съ горцами и Турками; здѣсь я посланъ былъ съ 4-ю казаками доброконными и однимъ есауломъ Карауловымъ, чтобъ сыскать мѣсто и непріятеля съ тылу зайтить, что мнѣ и удалось; только самъ было попался въ ихъ руки, ибо тѣ, кои къ сраженію на помощь подоспѣвали, отрѣзали меня. Но я бросился вдругъ съ крикомъ изъ лѣсу и отбилъ у нихъ одно знамя; двухъ Абазинцовъ закололи, ибо они думали, что насъ тутъ цѣлый казачій полкъ былъ; и я то знамя привезъ къ генералу Ратееву. Онъ благодарилъ меня за знамя, и что я цѣлъ возвратился и велѣлъ съ собою идти одному полку и одному гранодерскому баталіону за мною на то мѣсто, которое я нашелъ для сраженія въ лѣсу на полянкѣ; тутъ пришедши построились мы двумя кареями, и непріятель, испугавшись, что мы открыли съ тылу ихъ канонаду изъ пушекъ по Туркамъ и Черкесамъ, кои всѣ скачутъ къ главному каре, гдѣ былъ Текелій; но какъ увидѣли, что мы ихъ отъ горъ отрѣзали, то всѣ толпы бросились уже на насъ и тѣмъ большой каре избавили отъ большаго урону; ибо оный построился въ критическомъ мѣстѣ тѣсномъ, что Горцы и Турки изъ лѣсу били изъ ружей солдатъ, а ихъ было не видно.

И за сіе мнѣ князь Потемкинъ ничего не далъ, хотя я началомъ былъ для сохраненія всего корпуса, а моему авангардному генералу Ратееву присланъ орденъ 2-й степени Владимира. Послѣ сего подъ крѣпостію Анапою Октября 14-го того жъ года не довольно открывалъ мѣста, дѣлалъ чрезъ рытвины и буераки мосты; ибо мы шли черными горами и занималъ оныя съ боемъ оружія, но еще генералъ-порутчика Петра Ѳедоровича Талызина, бывшаго своего полковника, избавилъ отъ смерти или бъ въ плѣнъ попался. Онъ хотѣлъ переѣхать отъ насъ на другую сторону болота посмотрѣть, какъ тамъ дерутся егери его команды, и въ ономъ завязъ со всѣмъ своимъ 4-мя казаками конвоемъ, я увидя его погибающаго, ибо Абазинцы раздѣлись и голые шли къ нему изъ тростнику съ ружьями; въ тужъ минуту выпросилъ я позволеніе у князя Ратеева своего командира, чтобъ его отбить и вынесть оттуда, что и удалось мнѣ исполнить, приказавъ также раздѣться 40 егерямъ и съ одними только ружьями да по 5-ти патроновъ привязавъ имъ каждому на шею; слава Богу, его отбивъ отъ горцевъ вытащили. Тутъ два егеря были ранены, которымъ далъ онъ довольную плату, а мнѣ сказалъ «спасибо, братъ, что ты старую хлѣбъ-соль помнишь».

Отъ Анапы мы послѣ сраженія назадъ пошли, ибо отъ князя Потемкина не велѣно было ее брать штурмомъ, хотя было и удобно; ибо въ крѣпости Анапѣ заперлись только Турки одни, коихъ было не больше

трехъ тысячъ, а горскіе воины всѣ расположились по горамъ, не хотѣли помогать Туркамъ въ городѣ Анапѣ. На возвратномъ пути почти каждой день горскіе жители насъ провожали пулями и стрѣляли изъ лука; но большаго вреда и сраженія мы уже не видали, а переправившись назадъ, или на свой берегъ Кубань рѣку, солдаты много потерпѣли нужды отъ холоду и въ недостаткѣ провіанта.

Сію экспедицію кончивши, я сталъ проситься въ отпускъ. Генералъ Текелій и отпустилъ меня только на 29 дней, я былъ и тому радъ, думая, что еще поспѣю къ штурму Очаковскому, куда я и поскакалъ на почтовыхъ; но пріѣхавъ въ Екатеринославъ городъ, узналъ, что уже Очаковъ взятъ, однакожъ я все къ нему поѣхалъ посмотрѣть крѣпость и все укрѣпленіе и апроши, кои рыли наши. Тамъ я нашелъ комендантомъ бригадира Юргенца, мнѣ знакомаго еще въ первую войну съ Турками; онъ мнѣ сказалъ, что большая часть Турокъ была сераскиромъ выведена изъ города въ ретраншементъ, которой довольно былъ укрѣпленъ и обширенъ; слѣдовательно все же войско уже не могло войти въ крѣпость во время штурма; а всѣ поколоты у входа къ воротамъ, гдѣ сказывалъ онъ «великія кучи мертвыхъ тѣлъ навалены были».

Оттуда поѣхалъ я съ данными мнѣ отъ командировъ атестатами, за дѣла мои во время походу къ крѣпости Анапѣ, въ Санктъ-Петербургъ, думалъ навѣрное крестъ Егорьевской получить; ибо въ статутѣ сказано, «кто первой станетъ на непріятельской берегъ съ боемъ оружія, тотъ получаетъ Егорьевской крестъ». Но ошибся въ моихъ мысляхъ, а вина была только та, что не имѣлъ протекціи, хотя и многіе дивились, что я о сю пору безъ креста, я отвѣчалъ имъ: благодарю за сдѣланную честь, хорошо и то, что вы слышали о моихъ дѣлахъ, нежели бы у меня спросили, за что я получилъ? Видно я только счастливъ для откомандированія къ бою, а къ полученію награжденія другіе. И подлинно многимъ дали чины и кресты, а мнѣ ничего.

Такъ я поѣхалъ на Кавказскую линію обратно, гдѣ уже нашелъ главнымъ командиромъ графа Ивана Петровича Салтыкова. Онъ меня взялъ къ себѣ въ дежурные; но недолго мнѣ досталось у него быть въ сей должности; ибо князь Потемкинъ перевелъ меня въ егерскіе баталіоны, по причинѣ что я былъ въ полку Астраханскомъ драгунскомъ сверхъ комплекта, а можетъ быть и другой чей умыселъ былъ таскать меня изъ угла въ уголъ цѣлаго государства, изъ Крыму къ Каспійскому морю къ Кизляру, оттуда опять на Черное къ Инкерману; но принужденъ былъ ѣхать, взявъ съ собою бѣлье и одного человѣка Егора, съ которымъ я въ кибиткѣ на почтовыхъ пріѣхалъ въ Каушаны, что въ Бессарабіи.

Это было 789-го года въ Сентябрѣ. Тутъ стоялъ съ корпусомъ господинъ генералъ-поручикъ графъ де Балменъ, къ которому я и явился, объявя, что я ѣду къ свѣтлѣйшему князю Потемкину, для опредѣленія въ егерскіе баталіоны, имѣя отправленіе отъ графа Салтыкова; онъ мнѣ совѣтовалъ тогда лучше ѣхать одному съ казакомъ и верхомъ, нежели въ повозкѣ, въ разсужденіи опасности разъѣзжающихся Турецкихъ партій изъ города Бендеръ, а князь уже въ Бѣлградѣ или Акерманѣ на Черномъ морѣ, который былъ взятъ на капитуляцію. Итакъ я оставилъ кибитку у подполковника казацкаго Иловайскаго, что̀ былъ послѣ генералъ-маіоромъ, а самъ съ казакомъ верхомъ поѣхалъ къ Бѣлграду или Акерману. Дорогою ничего не случилось, кромѣ что дождь всего промочилъ. Пріѣхавши туда, тотчасъ пошелъ къ Попову правителю письменныхъ дѣлъ, и депеши, кои были со мною, ему отдалъ. Живши тамъ 4 дня, спрашивалъ у него о своей судьбѣ; но онъ обыкновенно для кого былъ недобръ, то промолчитъ и уйдетъ вонъ изъ канцеляріи, или совсѣмъ запрется. И такъ я, поживъ въ Акерманѣ 10 дней, уже почти и денегъ мало стало, да и въ одной рубашкѣ обчесался, выдумалъ, для скораго отправленія стратажему: всегда за столомъ старался садиться противъ князя Потемкина, который лишь увидитъ меня, то тотчасъ спрашиваетъ Попова и выговариваетъ ему, для чего я не отправленъ (ибо князя только и увидишь за столомъ, а то рѣдкихъ къ нему пускали, а особливо нашу братью, кои стѣны лбомъ своимъ пробивали безъ протекціи). Сіе я дѣлалъ 4 раза, что̀ былъ на глазахъ за столомъ; наконецъ уже Поповъ меня самъ спросилъ и съ гнѣвомъ изволилъ выговоръ сдѣлать, для чего я попадался на глаза къ князю? Я ему отвѣчалъ для того, что я хочу, чтобъ вы меня опредѣлили скорѣе къ мѣсту. «Вотъ тебѣ и мѣсто» и далъ мнѣ отправленіе явиться въ Херсонѣ къ князю Репнину, къ которому я и поѣхалъ верхомъ до Каушанъ, а тамъ въ своей кибиткѣ. Пріѣхавши въ Херсонъ, къ князю явился, которой мнѣ повелѣніе княжое объявилъ, что я опредѣленъ въ Лифляндскій егерскій корпусъ въ 3-й баталіонъ на ваканцію баталіоннаго начальника 789 года Ноября 13 дня, о чемъ и ордеромъ предписалъ шефу того корпуса генералъ-маіору Мекнобу, чтобъ я принялъ 3-й баталіонъ отъ подполковника Стоянова на законномъ порядкѣ (на которомъ отъ сдачи и понынѣ осталось моихъ денегъ 300 р.).

Баталіонъ 3-й я нашелъ совершенно разстроенный, ибо сіе время было послѣ штурма Очаковскаго, ни обозу, ни аммуниціи, а въ комплектѣ недоставало 320 человѣкъ; обо всемъ подалъ я рапортъ къ шефу и къ князю Репнину. Въ зиму построилъ я новый обозъ, людей одѣлъ, ружья исправилъ, за рекрутами самъ ѣздилъ въ Витовку, гдѣ жилъ бригадиръ Фале-

евъ *), или въ городъ, что нынѣ Николаевъ, тамъ нашелъ всѣхъ рекрутъ почти голыхъ, такъ что иные почти въ рогожкахъ ходили, ибо свое платье все изорвали на работѣ каменной, что Фалеевъ приказывалъ дѣлать, то и сдѣлали, уже годъ какъ тамъ работали, и за то денегъ имъ никто не платилъ, изъ коихъ отъ непопеченія по 10 мерли въ день, и относили ихъ безъ попа и отпѣву какъ собакъ на носилкахъ зарывать въ ямы, я самъ это видѣлъ, чему ужаснулся. А тамъ же былъ генеральный гошпиталь, гдѣ никто не смотрѣлъ кромѣ цырульниковъ, хотя и многіе приставлены были, но они только наживались; остальные жъ отъ рекрутъ умершихъ деньги брали себѣ. Господину Фалееву хотя я и сказывалъ, что нѣтъ ни малѣйшаго человѣколюбія; но онъ мнѣ сказалъ «это, сударь, не можетъ быть, я самъ смотрю» и просилъ меня обѣдать, но я радъ, что вырвалъ изъ погибели своихъ рекрутъ, помаршировалъ съ ними въ Херсонъ, гдѣ мы стояли въ казармахъ, куда привелъ. Шефъ раздѣлилъ на 4 баталіона, изъ коихъ мнѣ досталось 320 человѣкъ. Каждаго я раздѣлъ до наготы и осмотрѣлъ ихъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ на тѣлѣ заразъ; нашелъ по большей части въ чирьяхъ и въ чесоткѣ, ибо одну рубашку носили по два мѣсяца, тотъ же день велѣлъ ихъ вести въ баню, а рубашки купилъ имъ старыя у другихъ егерей; и какъ они обмылись, совсѣмъ другіе люди стали; но все оставалась въ нихъ внутри та гнилость, которая вкоренилась отъ худой пищи и несмотрѣнія, какъ были они на работѣ. И сколько моего старанія ни было, изъ нихъ болѣе 60 человѣкъ въ лазаретѣ померло поносами и горячкою, ибо воздухъ въ Херсонѣ отмѣнно тяжелый, все вѣтры или жары; а въ другихъ баталіонахъ и половины не осталось. Къ лѣту баталіонъ 3-й я совсѣмъ устроилъ и людей поодиночкѣ выучилъ прикладываться цѣльно, заряжать проворно и съ ружьемъ какъ должно обходиться; сіи три правила были у меня основаніемъ солдатской должности; и шефу своему генералъ-маіору Мекнобу лѣтомъ показалъ весь баталіонъ поодиночкѣ, вотъ какимъ образомъ. Веревка была протянута, по которой егерь тащилъ бѣгомъ щитъ въ ростъ человѣка, а шириною $1\frac{1}{2}$ ар. Противъ оной по всей дистанціи разставлены были чрезъ 20 шаговъ егерей по 6 человѣкъ, которые на бѣгу многіе попадали въ щитъ. А послѣ и маневры строилъ съ баталіономъ по егерски. Шефъ былъ больше тѣмъ доволенъ, что изъ всего баталіона только 17 ружей осѣклось, а то всѣ выстрѣлили безъ осѣчки; и осмотрѣлъ каждаго и весь обозъ и упряжь; послѣ отдалъ въ благодарность приказъ по всему корпусу и прочимъ командирамъ рекомендовалъ также устроить свои баталіоны; а еще ему больше пріятно было то, что у меня меньше всѣхъ померло.

*) Былъ креатура князя Потемкина.

Послѣ осмотру баталіоновъ пошли мы въ походъ къ Бендерамъ и тутъ простояли до самой осени, оттуда пошли къ крѣпости Килія, что на устьѣ рѣки Дуная. Начальникъ у нашего корпуса былъ генералъ артиллеріи Иванъ Ивановичъ Миллеръ, который отъ раны умеръ тамъ же какъ взяли 790 года Октября 6 ретраншементъ Килійской.

На мѣсто его присланъ командовать корпусомъ ген.-поручикъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Онъ обложилъ формально крѣпость, велѣлъ нашему шефу одинъ Армянскій монастырь отбить, шефъ послалъ съ баталіономъ меня, сіе я исполнилъ, выбивши Турокъ, подлѣ чего подъ моимъ же прикрытіемъ и брешь-батарею заложилъ. Тутъ былъ инженерной ген.-маіоръ Кнорингъ; а по стрѣляніи 5 дней стѣну и башню разбили, отъ которой каменья и кирпичи въ ровъ повалились, почему паша, той крѣпости начальникъ, и выслалъ 300 человѣкъ отборныхъ янычаровъ вонъ изъ крѣпости, и велѣлъ лечь противъ башни во рву, для прикрытія пролома подъ своими пушками, а чтобъ узнать, какъ заваленъ ровъ, и можно ли перейтить его. Для сего во время ночи я былъ посланъ бригадиромъ дежурнымъ при блокадѣ находящимся Рахмановымъ, съ тремя егерями. Не знаю, откуда сіе повелѣніе пришло, но долженъ повиноваться правиламъ службы; хотя и вѣрная смерть предстояла: ибо и тѣ янычары были во флангѣ бреши, до которой мнѣ мимо ихъ должно пропалзывать. Въ душѣ своей сказалъ «буди, Господи, воля Твоя надо мною», передѣвшись въ егерскую шинель, съ двумя егерями, поползъ ко рву, прокрадываясь мимо печей разломанныхъ, кои остались отъ пожару: ибо форштатъ былъ весь выжженъ. Отползли мы отъ брешь-батареи сажень 10; егерь мой увидѣлъ изо рва выходитъ огонь и мнѣ сказалъ, и такъ мы остановились. Что будетъ отъ сего огня? думая себѣ: можетъ быть, это ихъ дозоръ ходитъ по рву; но потомъ огонь идетъ все къ намъ ближе. Я велѣлъ егерямъ ружья оправить, и самъ вынулъ изъ ножонъ саблю, огонь поравнялся съ нами, то увидѣли мы, что это два Турка съ фонаремъ, мы тужъ минуту ихъ обступили. Я спросилъ: куда вы идете? толмачъ мнѣ отвѣчалъ, что это байрактаръ идетъ съ письмомъ отъ паши къ вашему генералу. Я ихъ и отвелъ къ дежурному бригадиру, Михайлѣ Степановичу Рахманову, которой обрадовался и сказалъ «вѣрно это значитъ, что паша хочитъ крѣпость сдать». И подлинно такъ и вышло: на другой день мы Килію и заняли. Господинъ генералъ Гудовичъ меня лично благодарилъ за счастливую встрѣчу и успѣхи противъ крѣпости, и подлинно было для меня счастье: могло бъ быть, чтобъ я подлѣ бреши и голову потерялъ. Сказалъ, что «будетъ меня рекомендовать за всѣ до сего времени дѣла и услуги отечеству»; и правда, послалъ меня послѣ съ большою реляціею обо всемъ къ князю По-

темкину въ Бендеры. Но я тамъ, живши двѣ недѣли, ничего не получалъ; не былъ удостоинъ милости ни князей, ни Попова, и съ тѣмъ возвратился къ своему баталіону, а прежде посланный господинъ Титовъ былъ награжденъ примiеръ-маіорскимъ чиномъ; ибо онъ больше моего заслужилъ, сидѣвши въ палаткѣ за столомъ, только подписывая на приказахъ «дежурный маіоръ».

Отъ Килiи весь нашъ корпусъ пошелъ по повелѣнiю князя къ крѣпости Измаилу, подъ которымъ съ 24 Ноября по 14-е число Декабря находились, пока его взяли штурмою, какъ прiѣхалъ къ намъ графъ Ал. Васильевичъ Суворовъ командовать, а Гудовичъ уѣхалъ въ Бендеры, гдѣ былъ князь Потемкинъ. Слышно было, что генералъ Гудовичъ отказался брать штурмомъ Измаилъ, ибо въ крѣпости было одного гарнизона 35000 тысячъ Турокъ и Татаръ, чему и можно вѣрить; оные собрались изъ 4-хъ главныхъ крѣпостей, изъ Хотина, изъ Бендеръ, изъ Акермана, изъ Килiи и свой пятый гарнизонъ; и потому они держались крѣпко, что почти всѣ побиты и поколоны были. Штурмъ продолжался 8 часовъ, и нѣкоторыя колоны взошли было въ городъ, опять выгнаты были. Я изъ своего баталiона потерялъ 312 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, а штабъ и оберъ-офицеры или ранены, или убиты были, и я раненъ былъ пулею на вылетъ въ самой амбразурѣ въ бровь, и въ високъ вышла и кабы трубачъ меня не сдернулъ съ пушки, то бы на ней и голову отрубили Турки. На рампаръ я взошелъ первый; только передо мною во лѣстницѣ 3 егеря лѣзли, которыхъ въ той же амбразурѣ Турки изрубили; ровъ такъ былъ глубокъ, что 9 аршинъ лѣстница только могла достать до берму, а съ берма до амбразуръ другую мы наставляли. Тутъ много у насъ солдатъ погибло, они всѣмъ насъ били, чѣмъ хотѣли.

Какъ я очнулся отъ раны, то увидѣлъ себя только съ двумя егерями и трубачомъ, прочiе всѣ были или побиты или ранены на парапетѣ. Потомъ сталъ кричать, чтобъ остальные офицеры сами лѣзли съ егерями изъ рва вверхъ, придавалъ имъ смѣлости, что Турки оставили бастiонъ. Тогда ко мнѣ взлѣзли по лѣстницамъ поручикъ Бѣлокопытовъ и подпоручикъ Лавровъ съ егерями здоровыми; мы закричали ура, бросились во внутрь бастiона и овладѣли онымъ; но однакожъ много егерей тутъ было изрублено, и офицеръ одинъ убитъ, а меня хоть и перевязали платкомъ, намочивъ слюнями землю, къ ранѣ приложилъ трубачъ (ибо въ егерскихъ баталiонахъ тогда были трубачи, а барабановъ не было), но все кровь текла изъ головы. Я слабѣлъ и пошелъ лечь на банкетѣ (а потомъ рана сiя засохла съ слюнями и землею, и такъ вылѣчился; но глазомъ правымъ долго не могъ видѣть), а пушки велѣлъ обратить и внутрь по городу стрѣлять. Штурмъ продолжался еще послѣ сего, то наши гонютъ, то Турки нашихъ рубятъ, болѣе 4 часовъ внутри города и безъ строю. Окончилось тѣмъ, что Богъ намъ опредѣлилъ быть побѣдителями; насъ всего было 17 тысячъ регулярныхъ, да казаковъ 5 тысячъ, съ которыми счастливый и смѣлый графъ Суворовъ взялъ крѣпость Измаилъ. Послѣ бою графъ позволилъ нижнимъ чинамъ въ крѣпости брать все кто что нашелъ три дни. Правду сказать, у насъ не было уже почти хлѣба, а потомъ сдѣлались хлѣбомъ и разными припасами довольны; нижнiе чины достали и червонцевъ много, такъ что шапками иные къ маркитантамъ носили.

Забылъ я написать, еще до штурма что съ нашею колоною случилось. Колоновожатой у насъ былъ маіоръ Марченко, присланъ былъ изъ свиты Павла Сергѣевича Потемкина, оной завелъ насъ совсѣмъ не туда и самъ пропалъ: ибо шефъ нашъ, который командовалъ колоною, г.-маіоръ Мекнобъ пришелъ ко мнѣ, какъ мы уже идемъ къ крѣпости, говоритъ, что «я не знаю, гдѣ съ колоною стою, кажется мнѣ не тамъ, гдѣ начинать должно штурмовать», а ночь была къ счастiю нашему очень темная, я ему отвѣчалъ, что на то есть колоновожатель. Сей Марченко послѣ явился цѣлъ и былъ на бастiонѣ, которой штурмовали; но его тогда сыскать не могли. Итакъ мнѣ Мекнобъ сталъ говорить «я на тебя надѣюсь, какъ на себя; возьми егерей и поди до рва, узнай, гдѣ мы теперь съ колоной стоимъ». Я думалъ, что лучше просьбы его послушаться нежели дождаться приказанiя, пошелъ; однакожъ сказалъ ему: довѣренность очень велика сдѣланная мнѣ отъ васъ, но ежели пропаду, то не въ своемъ мѣстѣ. Онъ послѣ сказалъ, что «если крѣпость возьмемъ и останемся живы, то вдвое и награжденъ будешь». Перекрестясь и пошелъ я къ принцу Филипшталю (и онъ былъ послѣ раненъ), который былъ впереди съ стрѣлками, у него взялъ трехъ егерей и поползъ ко рву. Егерей для того я взялъ, чтобъ по нихъ назадъ, какъ поползу, колону свою найтить; клалъ я ихъ на землю въ дистанцiи 20 шаговъ, и велѣлъ отзываться свистомъ. Итакъ доползъ до рва, увидѣлъ, что бѣлѣется бастiонъ отъ кавальеру выкладеннаго бѣлымъ камнемъ, оной былъ отъ нихъ по лѣвую сторону нашего бастiона, на который велѣно было идти, а отъ насъ по правую сторону. Тутъ еще и собака на меня забрехала, видно привязана была во рвѣ для осторожности, но я припалъ, и она замолкла, а шуму отъ Турокъ никакого на кавальерѣ и бастiонѣ не слыхалъ, всѣ спали. Итакъ я, приползши обратно къ своей колонѣ, донесъ шефу, что мы не противъ своего пуск-

та *), гдѣ назначено спускаться въ ровъ штурмовать, то велѣлъ онъ мнѣ вести колону къ тому бастіону. Я всю колону повернулъ налѣво тихо, однакожъ все штыки и лѣстницы, которыя несли, застучали; но любезные Турки не проснулись до тѣхъ поръ, какъ мы уже были на контръ-эскарпѣ и стали по лѣстницамъ спускаться передніи войска въ ровъ. Тутъ они открыли свою канонаду и картечьми много побили у насъ на гласисѣ въ хвосту колоны; а мы были уже во рву. Шефъ нашъ на гласисѣ былъ раненъ уже на разсвѣтѣ въ ногу, и его понесли прочь, и послѣ того умеръ въ Килліи отъ сей же раны; мы остались доканчивать свое дѣло сами, баталіонные командиры съ егерями. Изъ резерву Троицкаго пѣхотнаго полка помогъ намъ много капитанъ Воиновъ, который у той же пушки, гдѣ и я былъ, раненъ и убитъ наповалъ; жаль, офицеръ былъ храбрый съ мужественнымъ духомъ, ибо одинъ онъ выпросился съ гренодерами впередъ у бригадира и полковника своего Хвостова. Итакъ вся лишная моя услуга отечеству пропала; ибо генералъ и шефъ Мекнобъ умеръ, а дали только мнѣ 4-го класса за храбрость Егорьевской крестъ съ рескриптомъ, да другому маіору Шеховскому, которому руку Турки отрубили, а протчимъ изъ маіоровъ никому не дано Егорьевскихъ крестовъ.

Если бы все написать въ рекомендацію, то еще до штурма много сдѣлалъ лишняго противъ своихъ товарищей, и можно сказать спасъ всю колону и первый лѣзъ по лѣстницѣ на бастіонъ, да я же и маіоромъ по арміи былъ первый, то можно бы князю Потемкину дать мнѣ и чинъ, какъ и всѣмъ давалъ при штурмѣ Очаковскомъ баталіоннымъ командирамъ. А только тѣмъ мы несчастливы, что онъ тутъ самъ не былъ.

Послѣ штурма забравши раненыхъ, коихъ могли взять, а иные остались въ Измаилѣ для излѣченія, я пришелъ съ баталіономъ въ мѣстечко Оргей. Штурмъ былъ Измаила Декабря 11-го дня 1790-го года.

Въ Оргеѣ я былъ боленъ при смерти, уже 22 дни не ѣлъ и не спалъ; и думаю, что болѣзнь пришла послѣдствіемъ головной раны. Исповѣдался и пріобщился святыхъ таинъ. Чрезъ нѣсколько дней захотѣлось мнѣ арбуза, котораго я безъ лѣкаря наѣлся, то есть выпилъ сокъ изъ онаго; сдѣлалась во мнѣ перемѣна, изъ жестокой горячки и карыду сдѣлалась во мнѣ лихорадка, продолженіемъ которой я

*) Бастіонъ, на который нашъ должно было идти, мы съ г-мъ Мекнобомъ еще за день штурма ѣздили верхомъ осматривать и подъѣзжали очень близко, такъ что по насъ изъ ружей палили.

избавился отъ смерти, и вся гниль отъ грудей и опухоль въ ноги оттянула, такъ что у меня ноги сдѣлались какъ бревны толсты. А тогда мы пошли въ походъ изъ Молдавіи въ Елисаветградъ, гдѣ мнѣ сдѣлалось, думаю отъ дороги, гораздо легче; но лихорадку я отъ себя не отгонялъ, она у меня была ровно 9-ть мѣсяцевъ, пока всю желчь и гниль изъ меня выгнала потами, и въ ней я никогда не лежалъ, или верхомъ былъ, или на дрожкахъ, только какъ жаръ придетъ, то ложился, а опухоль изъ ногъ пропала отъ слабительныхъ порошковъ, кои я всякой день принималъ; но ѣлъ все, что захотѣлось, только понемногу, даже и кислое молоко.

Изъ города Елисаветграда весною мы пошли въ Польшу и расположились по Днѣстру всѣ четыре баталіона, содержали кордонъ, не пускали бѣглыхъ солдатъ и мужиковъ на ту сторону. Сіе было лѣтомъ. Мнѣ досталось стоять въ самомъ дурномъ мѣстѣ, между каменными горами, въ мѣстечкѣ Ушицѣ; а потомъ, какъ сдѣлалась конфедерація въ Польшѣ и потомъ реконфедерація подъ предводительствомъ графа Потоцкаго Щенснаго, то меня съ баталіономъ командировали для прикрытія его особы и всѣхъ членовъ; ибо графъ Потоцкой былъ намъ преданъ (и еще былъ полкъ конной, полковника Глазенапа). Въ Дубнахъ мы и содержали караулъ, гдѣ и контракты Польскихъ дворянъ были. Оттуда пришелъ я зимовать въ мѣстечко Николаевъ князя Черторискаго, гдѣ случилась жестокая буря или, лучше сказать, вихрь, что всю конюшню повалило, и много лошадей у меня моихъ и баталіонныхъ передавило; однакожъ на покупку казенныхъ лошадей отпустили мнѣ по свидѣтельству деньги. Забылъ я написать: какъ я зимовалъ въ мѣстечкѣ Мурованыхъ Куриловцахъ съ баталіономъ, было страшное землетрясеніе съ шумомъ и продолжалось 5 минутъ (передъ войною съ Поляками, землетрясеніе было 1793-го года Ноября 27-го дня). Оттуда насъ два баталіона—2-й подъ командою примiеръ-маіора Шпармана и мой 3-й того жъ корпуса пошли къ Каменцу-Подольскому, чтобъ его взять, ибо тамъ были конфедераты. Какъ туда въ городъ Каменецъ господинъ Золотницкій пріѣхалъ, то мы взяли крѣпость безъ урону. Сей намъ и ключи вынесъ отъ крѣпости 793 года Апрѣля 21 дня и отдалъ полковнику Зубову, который командовалъ нами авангардомъ; онъ съ позволенія господина Дерфельдена съ ключами и съ полною реляціею поѣхалъ къ Государынѣ. Дерфельденъ приказалъ и мнѣ ѣхать съ нимъ же. Мы поскакали на почтовыхъ, пріѣхали къ генералу аншефу Кречетникову, тогда главному надъ нами начальнику, которой отправилъ насъ въ Петербургъ, куда мы съ Зубовымъ Николаемъ Александровичемъ пріѣхали Мая 1-го дня 793 года рано. Всемилостивѣйшая Государыня очень была довольна, что

безъ пролитія крови взяли крѣпость Каменецъ-Подольскую: Зубова пожаловала въ генералъ-маіоры, а меня именнымъ повелѣніемъ въ подполковники, и старшинство отдали, которое у меня пропадало по драгунской службѣ, какъ былъ пять лѣтъ на Кавказской линіи. И такъ я сталъ считаться въ подполковничьемъ чинѣ съ 788-го Іюля 14 дня.

Изъ Петербурга графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ позволилъ мнѣ заѣхать на двѣ недѣли въ Москву. Тутъ я съ женою Настасьею Ивановною пожилъ одну недѣлю, да къ матушкѣ Дарьѣ Трофимовнѣ въ Арзамасъ съѣздилъ; тамъ 4 дня жилъ; и простясь съ ними обратно уѣхалъ служить съ своимъ баталіономъ, которой зимовалъ тогда въ мѣстечкѣ Николаевѣ.

На другой годъ сдѣлалась революція въ цѣлой Польшѣ, и нашихъ много пропало въ Варшавѣ; то генералъ-поручикъ Дерфельденъ и велѣлъ мнѣ съ баталіономъ скорѣй идти перенять бригаду Польскую, которая хотя присягала на вѣрность намъ, но, взбунтовавшись, ушла на коняхъ. Уже она сражалась на дорогѣ съ ротами Екатеринославскаго гранодерскаго полка, я потянулись Поляки къ кордону Цесарскому. Я тотъ часъ сколько у меня было по близости ротъ (ибо тогда еще стояли по квартирамъ) собралъ до 160 человѣкъ егерей, побѣжалъ съ ними, чтобъ ихъ перенять, но всѣхъ не захватилъ, а только до 30 человѣкъ Поляковъ въ плѣнъ взялъ со всѣмъ, съ лошадьми и аммуниціею, которую они везли на подводахъ, безъ малѣйшаго урону, и все это представилъ къ графу Ивану Петровичу Салтыкову, ибо онъ уже былъ у насъ главный начальникъ и жилъ въ Лабуни. Въ этомъ маломъ походѣ я егерями очень былъ доволенъ, что они охотно въ двое сутокъ сдѣлали болѣе 100 верстъ переходу; правда, что многіе стерли ноги отъ того, что болота переходили прямо.

Здѣсь нѣкоторую диковинку вамъ скажу. Проводникъ меня велъ черезъ плотину. Пришли двѣ дороги, онъ меня повелъ было налѣво, а гдѣ ни взялся селезень, то есть утка дикая; увидѣлъ я, что она по дорогѣ побѣжала направо и я подумалъ, что это Богъ намъ далъ спутника или проводника лучше нежели Жидъ, который можетъ и обмануть. Такъ и вышло, что если бъ я не пошелъ по той дорогѣ что̀ селезень показалъ, то бъ ни одного конфедерата не видалъ; ибо Поляки всѣ тамъ бѣжали и къ той сторонѣ, куда селезень намъ показалъ. У тѣхъ конфедератовъ я отбилъ 12 человѣкъ гранодеръ, коихъ они обобрали, Екатеринославскаго полка, какъ дрались съ Булгаковымъ полковникомъ. Плѣнные объявили мнѣ, что у той бригады Польской былъ командиръ маіоръ Вишковской, коего чуть было я не захватилъ самого уже на

Цесарской границѣ. Послѣ мнѣ велѣно идти съ двумя баталіонами, 2-мъ и моимъ 3-мъ къ мѣстечку Дубенкѣ, гдѣ съ Костюшкою ихъ предводителемъ была баталія у нашего полковника Пальменбаха. Овой Пальменбахъ тамъ и убитъ на батареѣ.

Туда пріѣхалъ изъ Петербурга командовать авангардомъ генералъ-маіоръ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, а весь корпусъ былъ подъ начальствомъ генералъ-поручика Дерфельдена. Отъ Дубенокъ зачали имѣть малыя сшибки съ Поляками, и по большей части дрались только казаки и егери, подъ командою моею до самаго города Хелма, гдѣ они всѣ собрались подъ начальствомъ трехъ генераловъ и намъ дали баталію. Тогда я былъ посланъ съ двумя только ротами для занятія лѣса, мимо котораго должно идти 1-й и 2-й линіи; тутъ мнѣ и досталось всѣхъ горячѣе; ибо не знали мы, что въ лѣсу были отъ нихъ поставлены пушки и скрыты за засѣкою. Какъ я сталъ входить въ лѣсъ перепалкою ружейною съ ихъ егерями жъ, то вдругъ они по мнѣ выстрѣлили картечами, убили одного офицера и 16-ть егерей и многихъ ранили; хорошо, что я врассыпную съ егерями шелъ. Тогда Зубовъ, услышавъ, что у меня идетъ порядочная свалка, прислалъ ко мнѣ и остальныхъ егерей моего баталіона; съ ними уже я началъ заходить во флангъ батареи, чтобъ оную и взять на штыкахъ, но они штыковъ не любятъ, ушли; а пушки увезли на лошадяхъ до дорогѣ. Однакожъ я много взялъ въ плѣнъ раненыхъ солдатъ и косеперовъ, то-есть которые только съ косами были противъ насъ, изъ мужиковъ набранные; и такъ прошелъ уже лѣсъ съ малою перепалкою. Кончилась баталія; я получилъ благодарность за успѣхъ, что линію 1-ю и 2-ю избавилъ отъ картечи, а на себя все это обратилъ: ибо они бъ изъ лѣсу стрѣляли вдоль нашихъ линій по фронту, и за то послѣ Государыня пожаловала меня въ полковники. 794 Мая 28-го. Въ день Троицы Святой баталія была; а Военная Коллегія помѣстила меня въ комплектъ указомъ въ Новогородской полкъ, который тогда находился въ корпусѣ генералъ-поручика Ферзена, противъ Костюшки; но генералъ Дерфельденъ меня туда не отпустилъ, а велѣлъ сію кампанію до окончанія прослужить съ егерьскими двумя баталіонами, 2-мъ и 3-мъ подъ командою его.

Такъ я и остался въ томъ же корпусѣ командиромъ надъ двумя баталіонами, надѣвши на себя только полковничій камзолъ, а мундиръ былъ егерьскій. Послѣ сего, шедши къ Прагѣ, въ трехъ мѣстахъ еще съ Поляками дрались; но большаго сраженія нигдѣ не было. Въ послѣднемъ генералу Вал. Зубову и полковнику Рароку изъ пушекъ ноги ядрами отбило; Рарокъ въ 15 день послѣ того умеръ, а генералъ Зубовъ

остался живъ; видно, у сего кровь почище была. Къ штурму Праги я уже пошелъ съ своимъ однимъ баталіономъ 3-мъ, а 2-й остался съ своимъ командиромъ Шпарманомъ у прикрытія генерала Зубова; ибо у него нога была отстрѣлена ядромъ, а потомъ отнесена въ деревнѣ Поповкѣ, въ которой онъ раненый лежалъ. Къ Прагѣ всѣ корпуса собрались, куда пріѣхалъ и графъ Суворовъ; взялъ всѣ корпуса въ свою команду. Сперва обыкновенно по его манерѣ теоретически штурмовать, въ лагерѣ пили и ѣли довольно, и пѣли пѣсни, а потомъ подошли близко къ Прагѣ Варшавской. Я тутъ попался уже въ команду генералъ-маіора Ласія, у коего въ колонѣ и на штурмѣ былъ. Наканунѣ штурма 23-го Октября 794 года господинъ Дерфельденъ велѣлъ дѣлать брешь-батарею, думаю, для того, чтобъ Поляковъ увѣрить, что еще мы нескоро пойдемъ брать ретрашементъ Прагской; но сія фосъ-брешь-батарея далась мнѣ знать.

Тутъ съ однимъ своимъ баталіономъ прикрывалъ оную, когда строилъ оную артилеріи капитанъ Бѣгичевъ, а я былъ впереди на чистомъ мѣстѣ, чтобъ вылазка не случилась. Но вылазки я не боялся, а изъ 4-хъ батарей съ передняго фасу изъ укрѣпленія да во флангъ изъ за рѣки Вислы 5-ть батарей всѣ по мнѣ стрѣляли ядрами (ибо мы дѣлали брешь двемъ) такъ жестоко, что я принужденъ весь баталіонъ разсыпать по лугу и велѣлъ егерямъ лечь, а самъ одинъ остался на конѣ, Арабскомъ жеребцѣ, на которомъ и въ Хельмскомъ сраженіи былъ и на протчихъ потычкахъ, не стоялъ ни секунды на одномъ мѣстѣ, разъѣзжалъ, чтобъ не сдѣлать цѣли, и притомъ подъѣзжалъ ближе, желалъ осмотрѣть, гдѣ у нихъ есть ворота. И такъ, сколько Полякамъ ни хотѣлось меня убить, но Богъ сохранилъ меня, а я своихъ егарей такимъ порядкомъ спасъ, съ конми въ головѣ колоны въ слѣдующую ночь и на штурмѣ былъ 24 Октября 794 года, и съ ними овладѣлъ бастіономъ, на коемъ было большихъ 6 пушекъ; за мною и всѣ уже взошли. Тутъ ровъ былъ неглубокъ, почти все по штыкамъ взлѣзли, то есть штыки въ валъ затыкали и на нихъ егеря ногами становились; ибо валъ былъ земляной; только много въ волчьихъ ямахъ нашихъ попадало, кои были на глаисѣ вырыты. Даже до самаго мосту Поляковъ кололи, а какъ они въ улицахъ въ домы скрылись, то тутъ и егарямъ досталось потерять жизнь; во всю штурму Праги убито и ранено было у меня не болѣе 46 человѣкъ. Хвосту колоны больше досталось потерять отъ картечи, ибо они спали, какъ я привелъ колону къ самому глаису; я жъ и колоновожатый былъ. Съ рампару часовой спрашиваетъ по-польски «кто идзе?», а я отвѣчалъ «свой, мой коханый» также по-польски, и тотъ часъ закричалъ на штыки и лѣзть велѣлъ на валъ и бастіонъ; спасибо, егаря боялись меня

и любили, этимъ могу похвалиться. Итакъ я послѣднее сраженіе съ ними имѣлъ, а послѣ штурма Праги господинъ Дерфельденъ велѣлъ мнѣ по повелѣнію графа Суворова собрать всѣ отбитыя у непріятеля пушки, коихъ я нашелъ 110 разнаго калибра, и почти всѣ новыя; съ ними отправили меня въ городъ Кіевъ, и еще для прикрытія прислали конный полкъ бригадира Сабурова Острогожской.

Егарской баталіонъ сдалъ я старшему по себѣ на дорогѣ секундъ-маіору Мельникову во всемъ сполна, въ чемъ взялъ и квитанцію я въ командѣ отрапортовалъ, а самъ вступилъ въ командованіе надъ баталіономъ 1-мъ Новогородскаго пѣхотнаго полку и съ симъ баталіономъ, явившись къ бригадиру Субарову, я прикрывалъ 110 пушекъ и 1600 человѣкъ плѣнныхъ взятыхъ въ разныя времена. Однако съ дороги графъ Суворовъ изъ нихъ лутчихъ по просьбѣ Польскаго короля отпустилъ 500 человѣкъ, въ томъ числѣ генерала-маіора Мейна, котораго я взялъ во время штурма въ плѣнъ, и довольно штабъ и оберъ-офицеровъ. Въ дорогѣ много претерпѣли нужды отъ холоду, особливо бѣдные плѣнные недостаточны были одеждою. Пришедши къ Бердичеву, явился у генералъ-маіора Хрущова Алексѣя Ивановича, который, обо всемъ отрапортовавъ графу фельдмаршалу Румянцову-Задунайскому, приказалъ мнѣ занять квартиры около мѣстечка Бердичева въ тѣхъ же деревняхъ, гдѣ уже 2-й баталіонъ моего полка квартируетъ и плѣнныхъ разставить по квартирамъ за присмотромъ; а пушки съ прикрытіемъ графъ Румянцовъ велѣлъ отвезти въ городъ Кіевъ и тамъ отдать въ арсеналъ, что было и исполнено. Тутъ я получилъ за штурмъ Праги съ рескриптомъ отъ Государыни 3-й степени Владимирской крестъ, а за прикрытіе брешь-батареи дѣланной у Праги ничего не дали; артиллеріи жъ капитану Бѣгичеву за ту батарею данъ 3-й же степени Владимирской крестъ. Я тогда вспомнилъ пословицу Польскую «интрига идзе до горы, а заслуга упада». Признаюсь, хотѣлось мнѣ за то прикрытіе получить хоть шпагу.

Какъ на штурмъ я шелъ, то много волонтеровъ изъ свиты Зубова было, а какъ на бастіонъ съ егарями полѣзъ, то только одинъ маіоръ Шпренгпортъ былъ, котораго отецъ теперь во Франціи. А по взятьи уже всѣ съ поздравленіемъ ко мнѣ явились, и цѣлехоньки; однакожъ всѣ получили кресты. Думаю, что имъ прежде даны были въ карманы, какъ поѣхали изъ Петербурга. Всѣ офицеры и егари мои послѣ служили противъ Французовъ, въ Италіи и въ протчихъ мѣстахъ подъ командою князя генералъ-маіора Багратіона, съ помощію которыхъ отъ государя императора Павла Петровича всѣ отличные и знаки получили; ибо знали они, гдѣ и какъ открыть мѣста и напасть на непріятеля.

Бѣлокопытовъ, что у меня въ баталіонѣ поручикомъ и капитаномъ былъ, онъ и полкъ отъ Багратіона принялъ, будучи уже полковникомъ, а Спѣсивцовъ поручикъ тамъ же дошелъ до полковничья чина; потомъ и протчіе заслужили милость Императора; мнѣ только Богъ не опредѣлилъ тамъ служить. А къ тому жъ и то больно, что обѣщаніе мое не удалось выполнить: 18 сраженій только до числа ста не докончилъ, то есть отъ 1768 года по 1799-й годъ, гдѣ только нѣсколько пуль мимо ушей пролетѣло; всѣхъ баталій, сраженій и стычекъ въ три войны на Кавказской линіи 82 раза. Послѣ какъ оставшихъ Польскихъ плѣнныхъ распредѣлили по разнымъ полкамъ въ солдаты, а штабъ и оберъ-офицеровъ распустили по домамъ, у меня остались охотно служить вѣчно мнѣ два Поляка; одинъ назывался Козловскій, уроженецъ изъ Литвы, а другой изъ Жмуди, имя его Ѳедоръ, онъ же былъ и портной женской. Однакожъ они мною были взяты съ позволенія генералъ-маіора Хрущова, которой распредѣлилъ ихъ въ полки и отпустилъ домой. Послѣ Козловской отъ меня въ Гроднѣ уволенъ вовсе домой, а Ѳедоръ на мѣсто моего деньщика Николая опредѣленъ служить по его волѣ въ 1-ю роту, въ Новогородскомъ полку, чѣмъ и самъ доволенъ былъ.

Во время Польской войны получилъ я двѣ вѣдомости отъ жены: первая печальная, мать моя скончалась, а 2-я радостная, жена родила дочь Софью *), то мнѣ и очень захотѣлось видѣть ее. А какъ полкъ мой зачалъ только что собираться въ зимнее время будучи въ квартирахъ, то я, оставивши на все подполковнику и маіору образцы, какъ шить мундиры и протчее, самъ поѣхалъ за позволеніемъ къ графу Румянцову-Задунайскому, которой меня отпустилъ въ Москву на 29 дней. Туда пріѣхавши, очень былъ радъ, увидѣвши жену и съ дочерью здоровую; хотя я не люблю въ томъ виду показывать, но не меньше чувствовалъ. Изъ Москвы поѣхалъ я на гробъ матери въ Арзамасъ и къ отцу на гробъ въ село Апушку Шацкаго уѣзда, послѣдній долгъ отъ сына отдать и, панихиду тамъ отслуживъ, возвратился назадъ въ Москву. Отпуска срокъ пришелъ, поѣхалъ въ полкъ и остальные мѣсяцы зимы и весны въ полку всѣ части отъ революціи разстроенныя исправилъ; обозъ, упряжь, людей одѣлъ, лагерь новый въ Москвѣ купилъ, офицеровъ нарядилъ, какъ быть должно; ружья исправилъ починкою, а нѣкоторыя новыми перемѣнилъ, солдатъ училъ поодиночкѣ, а лѣтомъ всѣми маневрами и тому жъ господину генералъ-маіору Хрущову полкъ во всей формѣ показалъ, какъ должно быть ему; за что и благодарность получилъ съ большимъ удивленіемъ его, что въ короткое время полкъ весь исправился.

*) Впослѣдствіи супруга Фавста Петровича Макеровскаго. П. Б.

А потомъ какъ Бреславская губернія открывалась, велѣли мнѣ маршировать въ городъ Винницу, въ команду генералъ-маіора Берхмана Ѳедора Ѳедоровича, онъ же былъ и губернаторъ послѣ открытія губерніи. Зимовать я уже остался въ мѣстечкѣ Брацловѣ графа Потоцкаго и на весну состоялъ въ непосредственной командѣ фельдмаршала графа Александра Васильевича Суворова Рымникскаго, у котораго моего полку на караулѣ были люди 4 раза. А какъ лѣто настало, то послали меня съ полкомъ рыть Овидіопольскую крѣпость близъ Чернаго моря противъ Акермана и 35 верстъ отъ Одессы. Хотя и горько было, однакожъ повелѣніе надо было исполнить; можетъ быть, за то меня Тищенко и Мандрыкинъ, находящіеся при немъ, и услали, что я имъ мало кланялся, и графа Суворова разговоры съ солдатами по его манеру не хотѣлъ какъ сорока наизусть выучить: судилъ, что уже въ полковничьемъ чинѣ не кстати быть переговорщикомъ словъ чужихъ, а можно содержаніе полезныхъ правилъ растолковать и самому. Однакожъ послѣ я былъ доволенъ. Въ генеральномъ лагерѣ у графа всѣ полки дѣлали крѣпость для ученья ихъ, и какъ брать ее было показано ученіемъ операціоннымъ отъ графа Суворова, а за работу ничего не получили; а я съ полкомъ сдѣлалъ настоящую крѣпость, и мои солдаты каждый день брали деньги, а всего получили болѣе трехъ тысячъ рублей. Съ ними и я отъ скуки просиживалъ на работѣ, и офицерамъ дежурнымъ разсказывалъ всѣ крѣпостныя части, гдѣ и какъ они по правилу фортификаціи называются, дабы они и сами чрезъ то о укрѣпленіяхъ крѣпостныхъ познаніе пріобрѣли для пользы службы.

Ко мнѣ туда и къ протчимъ полкамъ и графъ Суворовъ пріѣхалъ и осмотрѣлъ полки въ стройности, движеніяхъ и стрѣльбѣ, по большей части училъ такимъ маневрамъ, которые ближе подходятъ, какъ точно сражаемся съ непріятелями. Послѣ окончанія смотровъ данъ мнѣ былъ по имянному ея величества повелѣнію другой полкъ Ладожской бригадира Шишкова, и велѣно изъ двухъ одинъ составить, думать надо, по представленію графа Суворова Рымникскаго. Итакъ уже одна рота состояла изъ 212 человѣкъ рядовыхъ; слышно было и тогда, что мы готовились итить съ графомъ Суворовымъ противъ революціонныхъ Французовъ.

Я пришелъ съ симъ большимъ полкомъ зимовать 795-го года въ мѣстечко Польское Монастырище, пана Яблоновскаго, въ которомъ какъ по кончинѣ императрицы наслѣдникъ Россійскаго престола государь императоръ Павелъ Петровичъ принялъ правленіе государства, я съ полкомъ своимъ Новогородскимъ и присягу учинилъ; а къ началу весны и шефъ пріѣхалъ, генералъ-маіоръ графъ Шёнбекъ и вступилъ

къ командованіе онаго, чрезъ недѣлю пошелъ въ походъ, въ городъ Эленскъ, гдѣ уже и полкъ отъ меня пришелъ. Только странный человѣкъ этотъ Шёнбекъ! Не хотѣлъ ничего стараго заведенія по полковничьей инструкціи ни знать, ни слышать, ниже книгъ съ документами имѣть, а говорилъ: «это что я теперь вижу на людяхъ аммуницію какъ мундирную такъ и оружейную, это я у васъ на время *позычилъ* (значитъ *занялъ*, слово Польское), «ибо все противъ уставу не годится». Онъ былъ въ Польской конной службѣ и ничего не зналъ пѣшаго строю, а думаю и конпаго тоже; и командовавши 7 мѣсяцевъ, весь полкъ разстроилъ, даже офицеры зачали драться противъ его квартиры; а мнѣ велѣлъ жить при своей ротѣ въ деревнѣ. А имянно капитанъ Ширай и Зегзеръ подрались, и какъ пріѣхалъ къ намъ инспекторъ, Беклешовъ Александръ Андреевичъ, не могъ надивиться его безпорядкамъ и до него ничего у меня не принималъ, кромѣ числа всѣхъ чиновъ. Уже господинъ Беклешовъ ему растолковалъ, что надо во все войтить и принять все противъ стараго штата отъ полковника, однакожъ и тутъ послѣ его только одинъ обозъ принялъ да упряжь и всѣ вещи какъ на людяхъ, такъ и въ цехаузахъ, а лошадей полковыхъ онъ уже принялъ отъ обывателей, ибо они отъ меня маршалку ихъ сданы были при судьяхъ того города. Въ суммахъ же денежной расчетъ я имѣлъ въ квартермистерской съ квартермистромъ, а въ комисарской или жалованной съ комисаромъ, въ офицерской со всѣми офицерами, въ церковной съ попомъ, и по расчетѣ и удовольствіи я отъ нихъ получилъ въ каждой суммѣ особыя квитанціи; а господинъ шефъ мнѣ далъ только отъ себя квитанцію въ пріемѣ людей, вещей, обоза и упряжи, а книгъ старыхъ и не хотѣлъ брать, и потому они для отчету хранились у меня до города Гроденска въ сундукѣ; а оттуда по счетѣ посланы по почтѣ, для того дабы генералъ Шёнбекъ на меня не напуталъ лишняго.

Сей генералъ удивительно счастливъ въ милости Государя Императора: какъ война противъ Французовъ открылась и полку его досталось идтить въ походъ, онъ въ отставку пошелъ и получилъ мундиръ и пенсію, а какъ полки послѣ войны назадъ пришли, оной генералъ Шёнбекъ опять въ службу принятъ генералъ-лейтенантомъ и данъ ему полкъ; видно, подъ счастливою планетою родился.

Оставимъ писать о другихъ, надо докончить о себѣ. Досталось и мнѣ быть по линіи генераломъ-маіоромъ въ 1797 году, и данъ мнѣ полкъ Муромской пѣхотной же, которой стоялъ тогда въ Гроднѣ на рѣкѣ Нѣманѣ, что раздѣляетъ границу нашу съ Прусской, куда я по учиненіи въ церкви присяги на чинъ генералъ-маіорскій и отправился, обозу жъ своему велѣлъ слѣдовать потише, а самъ поскакалъ налегкѣ на почтовыхъ.

Въ полкъ я пріѣхалъ 798 года Генваря 2 дня и на другой день рапорты послалъ къ Государю и въ Военную Коллегію, и къ инспектору князю Николаю Васильевичу Репнину; а полкъ нашелъ въ жалостномъ состояніи. Полковой командиръ маіоръ Бріере-Демортере боленъ, другой слабъ здоровьемъ, у третьяго лѣнь, корпусъ офицеровъ и хорошъ, да очень по своей волѣ живутъ безъ дисциплины, и почти всѣ роты по деревнямъ разбиты, не выучены, ружьи переломаны, все объ землю дабы темпъ былъ величавъ, обозъ ветхой, упряжь старая, гнилая, въ ящикахъ патроны не передѣланы, а иные и въ дуло не лѣзли, у солдатъ и запасныхъ кремней не было, 4-я часть только одѣта была по новому, и все такое, что̀ было, замазано, а непрочно сдѣлано. У меня и о сю пору есть та вѣдомость, которая подана мнѣ отъ подполковника того жъ полку Павлова, послѣ его осмотра всѣхъ ротъ, въ какомъ состояніи я полкъ Муромской нашелъ. Государь Павелъ Петровичъ какъ въ Гроднѣ изволилъ быть, разводы давали хорошіе и все прикрыли добрыми словами, за что̀ шефу бывшему до меня въ полку генералъ-маіору Мерлину, по протекціи князя Репнина, и лента Анненская 1-й степени дана, да при отставкѣ мундиръ получилъ; а я бѣдной человѣкъ чрезъ восемь мѣсяцевъ не видалъ ни часу покойнаго днемъ. Для сооруженія онаго во всемъ противъ штату собралъ всѣхъ въ Гродно для обученія къ пользѣ службы по уставу, сперва каждаго прикладываться цѣльно, стрѣлять поодиночкѣ съ порохомъ и съ пулями, а потомъ дивизіонами въ щитъ стрѣлять училъ и ружья исправилъ, такъ что рѣдкое осѣкалось (кремни купилъ изъ за границы чрезъ Жидовъ), словомъ, во всемъ исправилъ и у пушекъ колесы починилъ; а репортовано, что артилерія исправна. Но отъ того и сталъ ненавистенъ господину викарному инспектору *) генералъ-маіору Сакену 1-му. А какъ сдѣлалась у меня исторія съ моимъ адъютантомъ Даниловымъ, который меня оклеветалъ въ своемъ отвѣтѣ, въ то время какъ его судили, то онъ господинъ инспекторъ и былъ сему радъ, что нашелъ оказію меня передъ Императоромъ замарать и оклеветать безсовѣстно, почему Государь, повѣря ему какъ доброму и вѣрноподданному и какъ инспектору, изъ полку выключилъ.

Вотъ какъ безвинно можно пропасть человѣку честно служившему, и какъ можно опять виноватыхъ спасти! Примѣръ здѣсь объясню свѣжей памяти. Господинъ генералъ-адъютантъ Аракчеевъ былъ присланъ инспекторомъ осмотрѣть полки всѣ, кои придутъ въ Брестъ и

---

*) Ибо тогда князь Николай Васильевичъ посланъ былъ отъ Государя въ Прусскому королю по нѣкоторымъ дѣламъ тайнымъ въ кабинетахъ.

вступать въ команду генерала барона Розенберха. Аракчеевъ почти всѣ полки нашелъ несооруженные во всемъ по новому штату. Изъ нихъ чрезъ Гродню, гдѣ я квартировалъ, шли два полка Тыртова и Ферштера; оба были неисправны, какъ въ одеждѣ людей, такъ и въ обозѣ и протчемъ, я самъ то видѣлъ, да и о протчихъ спрашивалъ у адъютанта Аракчеева, который чрезъ Гродню ѣхалъ въ Петербургъ; отвѣчалъ мнѣ: «всѣ таковы пришли въ Брестъ», а господинъ Аракчеевъ репортовалъ къ Государю, «что всѣхъ въ точной исправности нашелъ». Императоръ по его словамъ и благоволеніе всемъ шефамъ тѣхъ полковъ при нарядѣ объявилъ.

По выключкѣ моей изъ полку, отъ Государя присланъ у меня полкъ принять и осмотрѣть генералъ отъ инфантеріи Ласій; онъ же былъ инспекторомъ той дивизіи; а какъ полка моего всѣ денежныя суммы и всѣ части, равно лошади, упряжь и обозъ были на рукахъ полковаго командира и во всемъ по новому штату исправны: то и нетрудно было мнѣ сдать его скоро. Генералъ Ласій поутру осмотрѣлъ всѣхъ людей съ ихъ оружейною и мундирною аммуниціею со всѣмъ ихъ бутаромъ *), что̀ положено имѣть, спрашивалъ по-ротно, все ли получили, что̀ имъ слѣдуетъ, а послѣ обѣда обозъ, упряжь лошадей и протчія вещи; ничего не нашелъ недостаточнымъ или недопущеннаго въ ротахъ не нашелъ. На другой день оба мы простясь разъѣхались; я поѣхалъ въ Москву, заплакавши горькими слезами, что труды мои были сдѣланы для другого шефа, и что такъ безсовѣстно обнесенъ Государю, а Ласій поѣхалъ по другимъ полкамъ своей инспекціи.

Пріѣхавши я въ Москву, лошадей и протчія излишнія вещи распродалъ почти за безцѣнокъ, чтобъ купить скорѣй домъ, ибо гдѣ жена моя жила тамъ очень тѣсно. По ея выбору и совѣту я домъ купилъ на Малой Дмитровкѣ въ приходѣ святаго Пимена Чудотворца... И тутъ не къ добру вышло. Жена моя, поживши ласково до тѣхъ поръ, пока у меня велись денжонки, а какъ ихъ не стало, то моихъ людей кормить и одѣвать и содержать домъ отказалась; а имѣла за собой 200 душъ данныхъ ей во время моей службы; за какія жъ отличныя дѣла, о томъ Богъ знаетъ. Вотъ и любовь простыла, и домъ сталъ противенъ. Наконецъ уѣхала изъ него, нанявши себѣ другой, увезла дочь и все свое имѣніе. Хотя бы тѣми вещами подѣлилась, что на новоселье знакомые прислали; но ей тогда и въ голову не пришло. Вотъ каково быть безъ протекціи и небогатому человѣку! Законъ и клятвы сдѣланныя предъ престоломъ Божіимъ капризныя дамы ставятъ ни во что, особливо случайныя при дворѣ.

*) Бутаръ—всякія вещи, хламъ, отбросы. П. Б.

И такъ я остался одинъ безъ службы его величества, безъ жены и безъ доходу, и потомъ и безъ дому. И послѣднее имѣніе отняли, наклеветавши на меня долгу отъ бывшаго полку (сіе услышалъ я уже въ Бронницѣ), а наконецъ велѣно мнѣ выѣхать изъ Москвы вонъ; только что глаза не выкололи, какъ съ Белизеромъ случилось, ибо выключеннымъ не велѣно жить въ столичныхъ городахъ. Принужденъ былъ ѣхать, забравши свой походной экипажъ. Благодарнымъ навсегда буду Степану Александровичу Талызину: онъ позволилъ мнѣ на нѣкоторое время пожить въ своей деревнѣ Денежниковой, отъ Москвы разстояніемъ въ 45 верстахъ; своего жъ имѣнія у меня нигдѣ нѣтъ. А потомъ переѣхалъ въ городъ Бронницу, тамъ нанялъ себѣ комнату за 10 р. у протопопа, гдѣ и жилъ до самаго лѣта, обѣдавши всегда у добрыхъ людей, у подполковника Эссена и у протчихъ живущихъ тамъ. Въ сей перемѣнѣ жизни моей можно сказать совершенно горестной, но для блаженства души, чтобъ достойной быть милосердія Божія, Его покровительства и чтобъ чрезъ терпѣніе отъ разныхъ бѣдъ восчувствовалъ и больше любовь и вѣру къ своему Создателю всемогущему, живому Богу, сія перемѣна сдѣлала мнѣ великую пользу, какъ приготовляться къ вѣчной жизни, такъ и продолжать въ настоящей. Къ подкрѣпленію духа моего, зачалъ я вопервыхъ читать божественныя книги, законы отъ Бога данные избраннымъ Его, то-есть ветхой и новой благодати Сына Божія Іисуса Христа. Еще книга къ объясненію и утвержденію вѣры христіанской отъ Іоанна Златоуста Маргаритъ, отъ Денниса Ареопагита, отъ Стефана Яворскаго, Рязанскаго митрополита, *Камень Вѣры* при имп. Петрѣ Первомъ изданную, и старую книгу *Скрижали Господни*, изданную къ объясненію службы въ храмахъ Божіихъ, и о протчихъ правилахъ, писанныхъ отъ митрополита Александрійскаго къ Антіохійскому, и еще другія что̀ могъ купить и достать, а потомъ прочелъ Библію уже на Французскомъ языкѣ, и иныя на ономъ языкѣ писанныя. Благодарю Бога, что ими награжденъ Его жъ неисповѣдимымъ Промысломъ. Генералъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ до шестисотъ книгъ мнѣ далъ, тогда какъ я былъ у него въ командѣ. Прочиталъ я на Французскомъ языкѣ жизни всѣхъ славныхъ людей и предводителей арміи во время войнъ Римлянъ съ Карѳагенцами при Аннибалѣ и протчихъ, жизнь несчастнаго Велизарія; жизни и поступки Карла 5-го Гишпанскаго, короля Людвига 14-го Французскаго, принца Евгенія и Мальбруга, историческіе атласы съ ихъ примѣчаніями, во всемъ свѣтѣ разные вояжи по земному шару и морямъ, переписку Французскаго короля съ генералами и всю географическую таблицу на Библію и хронологію съ истолкованіемъ; а пуще всего радъ былъ, что нашелъ, откуда Мелхиседекъ первосвященникъ Божій и почему остался безроденъ какъ

объясняетъ въ богословіи книга, данная отъ митрополита нашего Платона императору Павлу Петровичу во время бытности учителемъ, для объясненія вѣры. Еще на Русскомъ читавъ всю жизнь и славныя дѣянія для пользы Россіи отца отечества великаго императора Петра I-го и его анекдоты, также и поступки Сведскаго короля Карла XII-го, съ которымъ страшная война была. Разныя книги, писанныя о заблужденіи раскольниковъ по разнымъ сектамъ для объясненія отъ митрополита Ростовскаго Димитрія *Розыска* и его въ трехъ томахъ проповѣди, отъ архіерея Никифора изъ Грековъ. И изъ каждой книги какъ Русской, такъ и Французской всѣ замѣчанія моей руки, по листамъ во время чтенія сдѣланныя карандашомъ, выписывалъ въ особливыя тетради, выбирая изъ оныхъ замѣчанія самыя полезныя для наставленія ближняго и поправленія себя въ настоящей жизни и въ будущей по чувствамъ своимъ разныхъ недостатковъ; ибо человѣку нехудо знать разныхъ умовъ и разсудковъ добро и зло. Но не всему послѣдовать надлежитъ, а избирать наилутшее и полезнѣйшее, согласуясь съ обычаемъ земли гдѣ живешь и временемъ.

Но чтобъ не потерять глазъ отъ безпрестаннаго чтенія и для здоровья, иногда я прогуливался по полю и по берегу рѣки Москвы, ибо сія рѣка недалеко свое теченіе имѣетъ отъ Бронницы; и нерѣдко же лѣтомъ въ ней купался. Потомъ еще поѣхалъ на гробъ отца моего въ село Апушку, гдѣ прежде во время службы былъ, заѣхавши сперва къ теткѣ моей Елисаветѣ Петровнѣ Мосоловой, живущей въ своей деревнѣ той же Тамбовской губерніи. На гробѣ отца моего отпѣли соборомъ панихиду; ибо тамъ церковь престола, во имя образа Казанской Богоматери, имѣетъ при себѣ для служенія литургіи 3 попа по очереди, гдѣ я слушалъ обѣдню, а потомъ опять возвратился въ деревню къ теткѣ. Она просила у себя пожить, а чтобъ не такъ скучно мнѣ было тамъ, подарила мнѣ двухъ ястребовъ для ловленія перепелокъ, ибо въ той странѣ ихъ очень много. И такъ, во время житія моего у ней, я сими ястребами затравилъ въ поляхъ слишкомъ 100 перепелокъ.

И какъ императоръ Павелъ I-й насъ простилъ и позволилъ всѣмъ выключеннымъ пріѣхать въ Петербургъ желающимъ вступить попрежнему въ службу: то я оттуда, на другой день собравшись, пустился въ путь, но пріѣхавши къ заставѣ Москвы, къ удивленію моему спроси, кто я таковъ, повезли меня подъ карауломъ къ коменданту, который велѣлъ мнѣ явиться въ 8-мъ часовъ у графа Ивана Петровича Салтыкова, бывшаго тогда въ Москвѣ военнымъ губернаторокъ, что̀ я и исполнилъ; а графъ уже далъ мнѣ подорожную до Петербурга.

А тѣ перепелки, что̀ наловилъ я ястребомъ, раздѣлилъ пополамъ: 50 отдалъ своей дочери, а другія 50 штукъ благодѣтелю своему Степану Степановичу Апраксину.

Съ дочерью въ слезахъ простился, Анастасьи Ивановны не видалъ; ибо съ генераломъ мертвымъ или, лутче сказать, мужемъ бѣднымъ и несчастнымъ нѣту чести повидаться. И не показалась мнѣ! Поскакалъ въ Петербургъ. Тамъ у воротъ спросили меня, зачѣмъ пріѣхалъ? Отвѣчалъ я караульному офицеру: для опредѣленія въ службу, выполняя надъ нами милостивой указъ; офицеръ объявилъ мнѣ тотчасъ ѣхать ко дворцу и во дворцѣ явиться у коменданта Ефимова; точно такъ я и сдѣлалъ. Насъ таковыхъ въ тотъ день случилось пять человѣкъ. Съ запискою объ насъ пошелъ комендантъ къ Государю и, вышедши, велѣлъ намъ явиться завтра въ 8-мъ часу поутру въ ордонансгаузѣ; туда мы точно и собрались. Плацъ-адъютантъ мнѣ первому объявилъ, что принять въ службу отъ воли Государя мнѣ не послѣдовало, а жить въ Петербургѣ для нуждъ своихъ не воспрещается; протчихъ же сталъ записывать, когда и за что выключены или отставлены. Признаюсь, прискорбно душѣ моей было, что я не сдѣлался участникомъ милости его императорскаго величества.

Жилъ въ Петербургѣ еще двѣ недѣли, совался по знакомымъ, спрашивалъ, что̀ мнѣ дѣлать и былъ у графа Петра Алексѣевича Палена, бывшаго въ то время въ Петербургѣ военнымъ губернаторомъ, въ слезахъ объяснялъ все мое положеніе, что я не имѣю пропитанія, и печаль, что не удостоился войтить въ службу. Онъ мнѣ совѣтъ далъ подать къ Государю письмо еще о принятіи въ службу или объ отставкѣ, какъ-де и протчіе получили послѣ отказу. Я то и исполнилъ, самъ письмо отвезъ на почтовой дворъ и росписался въ книгѣ. Содержаніе письма было короткое, самъ генералъ Кутузовъ-Голенищевъ оное поправилъ. Но со мной вышло еще хуже: послѣ поданія письма чрезъ три дни подхватилъ меня молодой полиціймейстеръ князь Касаткинъ и привезъ на гаубвахту, арестовалъ меня, сказавъ «что есть на то повелѣніе отъ Государя» и, не сказавъ за что, оставилъ меня въ караульнѣ; послѣ сего комендантъ Ефимовъ прислалъ у меня спросить «за что я арестованъ». Отвѣчалъ: не знаю. И такъ пробылъ я подъ арестомъ двѣ недѣли, и теперь не знаю, за какую вину; а можетъ быть и Государь самъ того не вѣдалъ. По прошествіи срока, ибо комендантъ Ефимовъ, пришедши въ караульную, мнѣ объявилъ повелѣніе Государя, что я арестованъ только на двѣ недѣли (и подлинно, послѣ сего срока онъ же мнѣ и шинагу принесъ) я выпущенъ. А какъ отдали мнѣ шпагу, тотчасъ пошелъ я къ Палену, но оберъ-полиціймеистеръ Аплечеевъ не допустилъ

насъ видѣть графа Палена, хотя къ нему и многіе приходили. Дали мнѣ подорожную до Москвы и велѣли тотъ же часъ выѣхать за шлагбомъ.

И такъ я 1801 года Генваря 6 дня пріѣхалъ въ Москву, явился въ томъ же несчастномъ положеніи къ графу Ивану Петровичу Салтыкову, которой мнѣ далъ подорожную до заштатнаго города Бронницы, гдѣ остались мой походный экипажъ и два человѣка.

Забылъ я написать, кто были мнѣ товарищи арестованные. Въ той же кордегардіи сидѣли генералъ-лейтенантъ Стояновъ, въ тотъ же день взятъ былъ подъ арестъ полковникъ Милорадовичъ, штабсъ-капитанъ Шиловскій и хорунжій казацкій, забылъ какъ зовутъ. Они уже давно тамъ сидятъ, никто ихъ и не судитъ и не спрашиваетъ, хотя отъ Государя и приказано изслѣдовать скоро ихъ вины. Но обыкновенно въ счастливомъ положеніи люди забываютъ другихъ, кои страждутъ отъ разныхъ несчастныхъ приключеній, а мнѣ кажется всякую рану или несчастіе надлежитъ приложить самому къ себѣ: то вѣрно скорѣй и справедливо посудишь и рѣшишь. На Государя никому жаловаться нѣтъ резону, а несправедливости или неудовольствія другимъ выходятъ отъ господъ окружающихъ Его Величество. Счастливъ тотъ царь или король, у коего приближенные министры и протчіе должностные люди при немъ находящіеся добродѣтельные люди и безкорыстные; у тѣхъ вѣрно подданные въ благоденствіи и изобиліи живутъ. А у насъ умѣютъ только нажиться, а о справедливости къ пользѣ отечеству и славѣ Его Императорскаго Величества мало кто имѣетъ смѣлость изъяснить. Рѣдкаго достоинства былъ сенаторъ во время жизни Петра Перваго князь Долгорукій Яковъ Ѳедоровичъ, который имѣлъ истинную къ Богу вѣру и привязанность къ отечеству, говаривалъ съ Императоромъ о правдѣ съ твердымъ духомъ, что̀ было ему и отечеству полезно, не боялся даже смерти; о немъ вся Россія съ почтеніемъ вспоминаетъ.

Въ 1801-мъ же году, живши я въ Бронницахъ, услышалъ отъ протопопа Ильи Константинова, гдѣ квартировалъ, 16-го числа Марта мѣсяца, что Государь Павелъ Петровичъ скончался въ 11-й день Марта. Тутъ я удивился Промыслу Божію и сну что̀ я видѣлъ того жъ числа (записавъ оной въ Псалтырѣ), который былъ слѣдующаго содержанія, будто палили изъ пушки очень большой, что оной выстрѣлъ слышенъ былъ по всей Имперіи, и я во снѣ слышалъ ту стрѣльбу и проснулся.

По исполненіи на другой день присяги новому государю императору Александру Павловичу писалъ я письмо къ графу Ивану Петровичу Салтыкову, чтобъ мнѣ позволилъ въ разсужденіи таковой перемѣны ѣхать еще въ Петербургъ и искать справедливости, который мнѣ и отвѣчалъ письмомъ же, что уже всѣхъ отставныхъ и выключенныхъ Государь императоръ Александръ Павловичъ велѣлъ указомъ имяннымъ считать отставными, и потому могу я пріѣхать въ Москву и взять свои мѣры. Почему я на другой день отправился въ Москву и оттуда по совѣту его сіятельства поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, представившись къ Императору, объявилъ свое желаніе письменно чрезъ генерала Ламба, вицъ-президента Военной Коллегіи, которое было слѣдующаго содержанія. «Послѣ 33 лѣтъ въ полѣ службы почти въ безпрестанной войнѣ сверхъ баталій, и бывъ на трехъ штурмахъ, гдѣ и раненъ, имѣю отъ роду 51 годъ, еще охотно служить Его Императорскому Величеству, желаю, только съ тѣмъ чтобъ отдать мнѣ старшинство». Уже и не думалъ о жалованьѣ (тогда всѣмъ принятымъ въ службу никому не давали), но честолюбіе и слава къ отечеству принуждали меня еще служить, а Промыселъ Божій и воля Государя сдѣлали меня спокойнымъ въ отставкѣ. И данъ мнѣ отъ Военной Коллегіи пашпортъ съ объясненіемъ въ ономъ имянныхъ повелѣній императора Александра Павловича, въ первомъ что дана мнѣ пенсія, а во второмъ, что позволено мнѣ носить общій армейскій мундиръ. Получа сей пашпортъ и оправдавшись имѣющимися у меня квитанціями отъ полку Новогородскаго противъ своевольнаго наклепа отъ господина Шёнбека на меня долгу по дѣламъ сего полку съ объясненіемъ, отъ меня поданнымъ въ Военную Коллегію, тамъ же и оставилъ мой еще рапортъ на разсмотрѣніе о моихъ претензіяхъ, на томъ же полку выданныхъ на кормъ лошадей полковыхъ и всѣмъ господамъ офицерамъ уплатилъ всѣ ихъ вычтенныя деньги, и употребленныя на покупку фуража казеннымъ лошадямъ изъ своихъ собственныхъ, коихъ всѣхъ приходитъ мнѣ возвратить до семи тысячъ рублей. Уѣхалъ съ надеждою сею, что когда нибудь истина пойдетъ по своей тропѣ и, встрѣтившись съ Государемъ, объявитъ правду тогда оную сумму мнѣ вѣрно и отпустятъ.

У Его Императорскаго Величества былъ я на глазахъ два раза. Первой какъ представлялся, а во второй благодарилъ за пенсію и мундиръ. Тутъ же удостоенъ былъ поцѣловать ручки Государыни, его супруги Елисаветы Алексѣевны. А потомъ на перекладныхъ по почтѣ пріѣхалъ въ Москву, явился къ графу Салтыкову и, отдавши въ коммисаріатъ о пенсіи указъ, поѣхалъ увидѣть свою дочь Софью Сергѣевну, которую нашелъ у Настасьи Ивановны, слава Богу, здоровою. Сему порадовался, а опечалился тѣмъ, что услышалъ твердое рѣшеніе жены моей Настасьи Ивановны, которая жить со мною вмѣстѣ ни на какомъ

основаніи не хочетъ. И такъ я съ сею тяжелою раною и поѣхалъ обратно жить въ городъ Бронницу. На то есть два резона: 1-е что еще на домъ я не получилъ резолюціи, а 2-е и дорого жить въ Москвѣ. Итакъ остался въ ономъ городѣ, буду дожидаться съ терпѣніемъ перемѣны жизни своей, препоручивъ себя во всемъ волѣ и Промыслу всемогущаго Бога!

Въ 1803-мъ году изъ Военной Коллегіи вышло рѣшеніе, чтобъ я доходомъ дома моего пользовался и пенсіею; но только не могъ бы его ни продать, ни заложить. Итакъ я изъ Бронницы переѣхалъ въ Москву со всѣмъ своимъ экипажемъ въ домъ свой, состоящій на Малой Дмитровкѣ, а деньги собранныя отъ постоя дома, всего 240 руб., отданы въ Управу Благочинія, а оттуда представлены въ Губернское Правленіе, гдѣ и о сю пору хранятся и мнѣ не возвращены. Въ домѣ нашелъ много попорченнаго, а въ другомъ мѣстѣ изломано, заборъ же весь вокругъ дома сгнилъ; принужденъ былъ новымъ обградить и въ конюшнѣ стойлъ прибавить для наемщиковъ; а денегъ не доставало. Итакъ рѣшился весь свой сервизъ, серебряныя чашки, блюды, соусники, тарелки, ложки, ножи и вилки, шандалы большіе и ломберные и прочее продать; получивши деньги, все въ домѣ исправилъ, и потомъ наемщики жили. Съ дому дохода получалъ 900 руб., а иногда и тысячу. Зачалъ поправляться при умѣренности своей жизни, накупилъ лошадей, карету, коляску и прочія вещи, что надлежало для дому и выѣзда, нанималъ кучера или форейтора (ибо два только человѣка были большіе, а прочіе малолѣтные), зимою всегда жилъ въ Москвѣ, а лѣтомъ по знакомымъ своимъ въ деревняхъ, какъ-то: у Степана Степановича Апраксина, у Петра Крисанфовича Обольянинова, у Ѳедора Сергѣевича Лунина и у пр., гдѣ мѣсяцъ, гдѣ недѣлю, а гдѣ и двѣ недѣли. Такимъ образомъ въ спокойствіи продолжалъ я свою жизнь до 1812 года.

Въ семъ году поѣхалъ я пожить въ деревню къ Степану Александровичу, генералъ-маіору Талызину по просьбѣ его поглядѣть его заводъ сахарной, что онъ завелъ въ своей деревнѣ Денежниковѣ. Выѣхалъ я изъ Москвы въ началѣ Іюня мѣсяца 1812 года и жилъ у него два мѣсяца съ половиною; гдѣ услышалъ, что Французы, не объявя Россіи войны, подъ начальствомъ своего императора изверга Наполеона, уже перешли въ разныхъ колоннахъ нашу границу, а армія наша отъ нихъ ретируется; ибо у него очень много разныхъ націй войска собралось и съ нимъ идутъ Москву брать; изъ столицы же сей всѣ господа, купцы и мѣщане, какъ я услышалъ, выѣхали въ дальнія мѣста, но нѣкоторые еще держутся въ Москвѣ для защиты своего отечества.

А при томъ тамже услышалъ, что мѣщанамъ и боярскимъ людямъ раздаются изъ арсеналу ружьи, пистолеты, сабли и протчее, кои готовятся на помощь къ арміи, уже командуемой генераломъ княземъ Кутузовымъ Голенищевымъ. Почему я за стыдъ себѣ почиталъ остаться празднымъ въ Денежниковѣ, оттуда выѣхалъ въ Москву и, Августа 23 дня пріѣхавъ въ оную, увидѣлъ афишки розданныя отъ военнаго губернатора графа Растопчина, что будетъ набрана дружина съ разнымъ оружіемъ.

Я тому и повѣрилъ, принялъ то за истинную правду, думая, что и мнѣ придется съ тою дружиною служить. И такъ въ сей надеждѣ живу дома, дожидаюсь позыву и сбору той дружины, какъ слышу вдругъ, что военный губернаторъ, комендантъ Гессе, оберъ-полицмейстеръ Ивашкинъ, полицмейстеры Волковъ и Дурасовъ изъ Москвы уѣхали и увезли съ собою всю полицію съ инструментами пожарными и со всѣми ея чинами. Сему очень удивился и тутъ-то узналъ обманы тѣхъ афишекъ; поѣхалъ къ Петру Крисанфовичу, управлявшему тогда главнымъ комитетомъ, и тотъ изъ Москвы выѣхалъ невѣдомо куды. Вездѣ нахожу пустые дома; наконецъ встрѣлся мнѣ офицеръ, скачетъ отъ Кутузова къ графу Ростопчину. Я его спросилъ гдѣ армія; отвѣчалъ мнѣ, «что армія ретируется чрезъ Москву, а можетъ быть послѣ жестокой баталіи Бородинской еще нашъ предводитель Кутузовъ дастъ баталію на Поклонной горѣ». Слышавъ сіе, пріѣхавъ домой, велѣлъ, что можно забрать изъ дому, укладывать въ коляску и въ дрожки; ибо у меня только 4 лошади тогда было. И стали дожидаться въ домѣ своемъ той баталіи рѣшительной, о которой мнѣ офицеръ сказывалъ.

Сіе было 30 дня Августа; жалѣю и теперь, что не спросилъ я его, котораго онъ полку и его фамилію; онъ же прибавилъ мнѣ и увеличилъ мою надежду, «что въ Бородинской баталіи больше потеряли Французы нежели Россійскія войска; и что Наполеонъ на другой день не осмѣлится больше насъ тревожить, и потому мы спокойно маршируемъ до Поклонной горы, гдѣ и остановимся еще поражать непріятеля».

Въ такихъ мысляхъ сидѣлъ я дома спокойно до самаго 2-го Сентября, которое число было въ Понедѣльникъ. Поѣхалъ я верхомъ узнать, что въ Кремлѣ дѣлается и не найду ли кого изъ военныхъ чиновъ; и подлинно нашелъ, но только не команды коменданта Гессе, а изъ арьергарду г-на Милорадовича послѣднихъ казаковъ съ командиромъ ихъ штабъ-офицеромъ до 300 ч., который собиралъ ихъ изъ лавокъ, чтобъ скорѣй выдтить изъ Москвы; и ко мнѣ подъѣхавъ сказалъ, «что армія наша въ минувшую ночь прошла чрезъ Москву, а я-де послѣдній ретируюсь»; и мнѣ совѣтовалъ скорѣй вонъ изъ Москвы уѣхать.

Признаюсь, досадно было мнѣ сіе отъ него услышать, что безъ бою Москву оставшемъ непріятелямъ на разореніе. Итакъ я, поворотя отъ него свою лошадь, поѣхалъ домой съ своимъ человѣкомъ Васильемъ, которой также былъ верхомъ за мною. И доѣхавши лишь до своей улицы Малой Дмитровки, какъ уже встрѣтили меня два драгуна Французской службы и ѣдутъ какъ будто въ свой городъ, не обнаживши свои сабли; поравнявшись со мною, спрашиваютъ меня по французски «которой я партіи»; я отвѣчалъ также по французски, что я ни къ какой партіи не принадлежу, а Россійской генералъ, давно живу въ отставкѣ въ своемъ домѣ; спросили «а гдѣ твой домъ?», отвѣчалъ: отсюда недалеко; потомъ сказали мнѣ, чтобъ я приказалъ своему человѣку съ лошади слѣзть, а ту лошадь имъ отдать. «Я не дамъ вамъ лошадь и думаю, что вамъ не велѣно грабить тѣхъ обывателей, которые смирно жили въ домахъ своихъ, а когда вы насильно будете брать, я поѣду на васъ жаловаться вашему генералу». Они видно оробѣли сего смѣлаго моего отзыва или потому что я былъ въ мундирѣ и при шпагѣ. Только при первой встрѣчѣ непріятельской я отъ нихъ остался съ выигрышемъ и домой пріѣхалъ здоровъ и цѣлъ; велѣлъ разсѣдлать скорѣй лошадей и запереть ворота. Потомъ въ тотъ же часъ увидѣлъ ѣдущіе по той же улицѣ непріятельскіе эскадроны маршируюшіе взводами настоящимъ порядкомъ и съ своими командирами; но ниже ни у одного не вынута сабля, а иные и пѣли пѣсни; а какъ преходили переулки, то раздѣлялись по взводамъ, въ разныя жъ улицы разъѣзжались, какъ обыкновенно входя въ городъ и занимая оной фланкеры дѣлать должны *). Потомъ, какъ всѣ прошли, помянутые тѣ два драгуна, возвратившись къ моему дому, еще привели съ собою четырехъ драгунъ и просятся на дворъ, кричатъ, чтобъ ворота были отперты; я велѣлъ ихъ пустить, дабы не изломали чего. Стали просить ту лошадь, что̀ на улицѣ подъ человѣкомъ видѣли; я упрямился долго и стращалъ ихъ, что буду жаловаться на нихъ, но дѣло доходило до сабель; закричали: nous massacrons tous, то-есть всѣхъ перерубимъ; принужденъ былъ отдать ту лошадь имъ; взявши оную, тотчасъ уѣхали съ двора.

Первый день симъ и кончился. Никто не заѣзжалъ и не приходилъ на дворъ, а ѣхали и шли по улицѣ довольно много, и ночь прошла благо-

*) Сіи передовыя войска вошли въ Москву, всѣ были авангарда подъ командою Мюрата Неапольскаго короля; а императоръ ихъ Наполеонъ въѣхалъ съ своею гвардіею 4-го числа Сентября жъ съ барабаннымъ боемъ верхомъ и жилъ въ Кремлѣ во дворцѣ; послѣ отбытія его оставался главнымъ начальникомъ надъ войскомъ маршалъ Мортье, подъ нимъ въ Москвѣ опредѣленъ комендантомъ генералъ дивизіонный графъ Милье, а интендантомъ въ городѣ и провинціи Московской былъ Лессепсъ, отъ котораго печатаны были народу прокламаціи.

получно. На другой день часу въ девятомъ, то-есть 3-го числа, пришли два Французскіе офицера къ вратамъ; ибо оные были заперты, просились на дворъ; я велѣлъ отпереть и самъ ихъ встрѣтивъ, спросилъ что̀ имъ надобно? отвѣчали, «что мы хотимъ здѣсь квартировать». Я, подумавъ, что лучше офицеровъ имѣть постоемъ, нежели нижнихъ чиновъ, согласился. Они вышли и скоро потомъ пріѣхали съ бричкой. Одинъ объявилъ о себѣ, что онъ инспекторъ квартиръ, а другіе два офицера; одинъ изъ нихъ былъ боленъ. Расположились въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ Фонвизинъ нанималъ, ничего у меня не требовали, кромѣ кострулъ и посуды, все къ ужину изготовили изъ своего припасу, слуга у нихъ былъ одинъ Французъ. И такъ провели ночь спокойно, даже сѣна и овса лошадямъ, коихъ было пять, у меня не взяли, а привезли откуда-то не знаю. Ужасно какъ я обрадовался такимъ постояльцамъ отмѣнно добрымъ и думалъ, что они у меня долго квартировать будутъ; но на другой день, т. е. 4-го числа, они, собравшись въ бричкѣ своей, въ 10-мъ часу съ двора поѣхали, сказавъ мнѣ, что они авангарднова войска, команды Неапольскаго короля Мюрата. Послѣ ихъ тотчасъ явились и на дворъ пришли тушельщики огня при унтеръ-офицерѣ и сапёры; ибо наша сторона уже горитъ. Я имъ сказалъ, что помощь ваша мнѣ не нужна, увидѣвъ, что они уже побывали въ верхнихъ комнатахъ, но тамъ нечего было взять. Что жъ они сдѣлали? Пошли около моего дому ближайшіе дома купеческіе не охранять, а зажигать, и меня тѣмъ огнемъ выгнать изъ дому, чтобъ лучше грабить. И-такъ, увидѣвши я сіе злодѣйство, велѣлъ скорѣй нужныя вещи и книги въ коляску укласть и на дрожки для уходу отъ пожару; ибо уже у дому моего загорѣлась крышка, вышелъ съ двора и съ людьми моими со слезами, запряжа въ коляску одну лошадь, а въ дрожки двѣ, потому что одну лошадь прежде сего увели (всѣхъ было четыре). Послѣ сего набѣжало на дворъ мой тѣхъ тушельщиковъ и сапёровъ много, и зачали грабить: а я съ людьми своими и повозками поворотилъ въ переулокъ, увидѣвъ домъ пустой уже также ограбленной, туда на дворъ заѣхалъ въ мысляхъ тѣхъ, что уже въ ограбленной домъ никто не придетъ, а самъ вышелъ я за врата. Но тѣ же сапёры или лучше сказать бродяги, увидѣвъ меня, обступили, просили денегъ; я имъ далъ три рубли серебромъ, ушли. А потомъ и драгуны на тотъ дворъ съ ними пришли и начали грабить, что̀ въ коляскѣ было и на дрожкахъ, а два жандарма пошли въ конюшню, нашли тамъ лошадей, увели, потомъ зажгли и домъ тотъ съ его строеніемъ и съѣжжею, противъ воротъ того дома бывшею; такъ что мнѣ выдти въ ворота не можно было, ибо все пламемъ обхватыло. Велѣлъ людямъ искать лѣстницу, чтобъ перелѣзть чрезъ стѣну каменную, спасти себя и людей, и такъ приставивши лѣстницу къ стѣнѣ, которая

окружала садъ купца Шевалдышева, къ нему въ садъ и полѣзли. Лишь только лучшія вещи туда спустили, какъ прибѣжалъ Французской драгунъ и началъ грабить: разломавъ эфесомъ шкатулку, взялъ изъ нея лучшее въ глазахъ людей моихъ, бриліантовой перстень, табакерки золотыя, деньги и прочее, что̀ въ ней было; наполнилъ карманъ, ушелъ. Я думалъ въ саду чужомъ укрыться и найти себѣ спасеніе отъ этихъ злодѣевъ; но тамъ уже давно шатаются тѣ грабители и зажигатели; ибо купецъ былъ очень богатой. Въ саду я спознакомился съ хозяиномъ того дома и саду, спросилъ у него извиненія, что безъ позволенія очутился я въ его садѣ, хотя совсѣмъ не былъ знако̀мъ, сказавъ ему о своемъ несчастіи, и что огонь меня сюда прогналъ; а онъ мнѣ отвѣчалъ, что уже другой день какъ его домъ грабятъ и вездѣ роются въ въ саду и ищутъ, а у воротъ приставили караулъ, чтобъ никто выдти не могъ. Тогда-то я, крѣпко вздохнувъ, ушелъ отъ огня, а попался въ руки къ злодѣямъ. Весь день сей 4-го числа безпрестанно то тѣ, то другіе приходили, обыскивали всѣхъ насъ, мущинъ и женщинъ, раздѣвали даже до рубашки и грабили.

Какъ-то другая моя шкатулка уцѣлѣла, люди ее спрятали въ густой кустъ еще во время какъ перелѣзли чрезъ стѣну; но какъ лишь легли мы спать на травѣ, вдругъ услышали крикъ отъ женщинъ (ибо у Шевалдышева ихъ было довольно), а сей сдѣлался отъ сего, что набѣжали тѣ грабители и начали грабить, а потомъ и къ намъ пришли съ обнаженными саблями, приставляютъ каждому къ груди, кричатъ ларжанъ, ларжанъ, т. е. деньги, и ко мнѣ одинъ прибѣжалъ, также просятъ денегъ, а какъ я уже скрылъ себя отъ генеральства и былъ также по-мужицки одѣтъ, отвѣчалъ ему: нема, нѣту, будто не знаю что̀ онъ говоритъ; ударилъ меня саблею плашмя, а потомъ велитъ послѣдніе сапоги съ ногъ скидать. А какъ у меня силъ на то не было, ибо и ноги уже опухли, разсердился бестія, думалъ, что я не хочу отдавать, взмахнулъ саблю и хотѣлъ разрубить голову, которую я защитилъ лѣвою рукою, далъ большую рану, кровь потекла, меня оставилъ, разсмѣявшись сказалъ: Voilà quelle folie! Il a voulu perdre la tête pour les bottes, т. есть вотъ какое дурачество, хотѣлъ потерять голову за сапоги; къ другимъ пошелъ грабить, былъ бестія немного пьянъ. Кабы не тулупъ толстой овчинной, которой далъ мнѣ купецъ, въ другомъ бы платьѣ совсѣмъ бы перерубилъ руку, насилу кровь унялъ. Догадался я, велѣлъ земли горсть принесть и смѣшать съ водой, сдѣлалась лепешка, и къ ранѣ приложилъ и лишь высохнетъ оная, отъ чрезмѣрнаго жара перемѣнялъ другую; сдѣлалась большая опухоль въ рукѣ и ломъ отъ удару; боялся, чтобъ не сдѣлался антоновъ огонь, ибо опухоль увеличилась. Вспомнилъ я, что въ шкатулкѣ, которую у стѣны разбилъ Французъ,

въ ней была бутылочка съ апотельдокомъ, послалъ туда искать, и подлинно оную нашли въ травѣ, принесли ко мнѣ, апотельдокомъ сталъ я мазать около раны, опухоль стала уменьшаться, а рана засохла въ крови вмѣстѣ съ землею, и такъ далѣе слава Богу чрезъ 21 день рука зажила, и я попрежнему ею владѣю.

Въ саду у купца Шевалдышева Тимоѳея пробылъ я до 12-го числа того жъ мѣсяца; каждой день и въ ночь приходили Французы и другихъ націй, и грабили то въ домѣ у него, и въ подвалахъ, то къ намъ въ садъ придутъ, и каждому грабителю раздѣвались до рубашки, вездѣ ищутъ и роютъ; а домъ зажгли его 5-го числа, и къ несча́стію нашему всѣ искры отъ пламя изъ дому и отъ всего строенія съ головнями на насъ несло, ибо вѣтеръ такъ былъ; 10-ть сутокъ мы были подъ пламеннымъ небомъ. День и ночь покрыты были носящимися искрами и съ дымомъ; ибо тогда вѣтры были сильные. Потомъ Шевалдышевъ хозяинъ, какъ его прибили, ушелъ, а остался послѣ его сынъ Александра съ женою и людьми, коихъ у него довольно было; и я думаю, что и они также грабили, ибо вотъ что случилось. Сказалъ я выше сего, что другая шкатулка моя спрятана была въ кусту; вдругъ несетъ ее ко мнѣ хозяйской иконописецъ цѣлую и въ ней съ ключемъ, но уже пустую, будто нашелъ онъ ее у воротъ брошенною, я спросилъ, гдѣ Французы взяли ключъ, имъ некогда да и негдѣ подбирать ключи, они бы какъ и первую разломали; но видно ее очистили свои. Какъ во второй день въ саду Французъ снялъ съ меня послѣдній жилетъ, то ключи были въ немъ отъ сей шкатулки, и видно оные выронилъ, а свои примѣтили и подобрали; шкатулку же принесъ въ пятой день послѣ того. Впрочемъ Богъ знаетъ правду и ложь; Онъ сердцевидецъ и помышленія человѣческія знаетъ. Только съ этимъ иконописцемъ послѣдовало хуже моего. Будучи я съ людьми моими уже въ подвалахъ дома сгорѣвшаго госпожи Березниковой, куды я перешелъ жить 12-го числа того жъ мѣсяца, такъ же перелѣзли мы изъ саду по лѣстницѣ чрезъ стѣну ночью; вышелъ я оттуда единственно для того, что каждый день и ночью встревожены были отъ Французовъ, ибо купецъ былъ очень богатой, не могли скоро его ограбить; пришелъ ко мнѣ его сынъ, сказалъ, что сего иконописца Французы закололи и судъ о шкатулкѣ кончился.

Въ подвалахъ я жилъ одиннадцать дней и сдѣлался больше болѣнъ, чувствовалъ въ лѣвомъ боку отъ жестокихъ вѣтровъ колику т. е. воспаленіе отъ простуды или по-французски pleuresie. Лѣкарей нѣтъ, помочь не кому, и лѣкарства не бывало, жаръ престрашной чувствую, а пить нечего, какъ сырую воду, и за той пошлешь человѣка, попадется Французамъ, берутъ насильно на свою работу до самаго вечера носить грабленное въ лагерь; признаюсь, согрѣшилъ предъ Богомъ! Желалъ

смерти, нежели мучиться въ такомъ положеніи, а притомъ ожидая еще больше отъ злодѣевъ тиранства. Гдѣ-то люди достали соляныхъ огурцовъ, оные отъ жару и жажды ѣлъ и пилъ разсолъ нѣсколько дней, а Французы также и туда въ подвалъ насъ посѣщали днемъ и ночью, но уже нечего было грабить, только тревожили напрасно, ночью жъ приходили съ обнаженными шпагами, имѣвъ въ рукахъ толстыя большія восковыя свѣчи зажженныя, видно отъ образовъ изъ церквей набрали. Шевалдышева купца сынъ Александра пришелъ ко мнѣ сказать, что онъ видѣлъ на вратахъ подпись по-русски «здѣсь принимаются просьбы». Я, собравъ послѣднія свои силы, написалъ туда, чтобъ мнѣ прислали охранительный листъ *), дабы меня, какъ полумертваго, не тревожили грабители, изъяснивъ въ ономъ обо всемъ и чтобъ прислали меня освидѣтельствовать, въ какомъ я положеніи есть и боленъ. Однакожъ никто присланъ не былъ; а человѣку моему Василью данъ *листъ печатный*, и приказывается онымъ меня почитать, какъ Русскаго генерала и больнаго, а притомъ и до имѣнія моего не касаться, которое уже огнемъ истреблено и Французами ограблено, то есть отъ всего имущества осталось на мнѣ сюртукъ старой, красной камзолъ, штаны старые, чулки и сапоги; а часы съ цѣпочкою и 75 рублей денегъ потому остались цѣлыми, что ихъ не нашли. Оной листъ у меня сберегается для памяти моихъ бѣдствій; сей листъ нѣкоторые уважали, и тотчасъ вонъ уходили, а другіе и глядѣть на него не хотѣли, а дѣлали свое; ибо много нашло сброднаго войска, больше на грабежъ, нежели на войну, Швейцарцы, Голланцы, Далматцы, Италіанцы, Гишпанцы, Португальцы, Вестфальцы, Баварцы и Поляки; эти пуще всѣхъ грабили и больше проводниками и переводчиками были при грабежахъ; а Французовъ настоящихъ, какъ слышно, въ войскѣ не очень много было.

Въ подвалахъ жить мнѣ стало очень трудно, и сдѣлался смрадъ; велѣлъ искать, нѣтъ ли гдѣ дому жилаго и цѣлаго, нашли у дьячка въ приходѣ церкви Николая чудотворца въ Столпахъ. Туда привели меня почти на рукахъ 23-го числа въ пустыя же двѣ избы; а дьячекъ ушелъ изъ дому въ чужой; ибо у него жъ былъ постоялецъ, у котораго квартировали Гишпанцы и Португальцы съ полковникомъ, прямо добрые люди, они почти каждый день давали мнѣ по куску хлѣба, а людямъ простаго вина; въ этомъ домѣ мы начали только ѣсть хлѣбъ, а то люди мои питались одною пареною пшеницею, а мнѣ кашицу варили пустую, иногда кусокъ рыбы соленой туда клали, и то было не въ пользу въ разсужденіи моей болѣзни. Боже мой! Что человѣкъ не перетер-

*) Факсимиле этого листа см. выше.

питъ! Въ дьячковомъ домѣ ко мнѣ принесли образъ Спасителя Нерукотвореннаго. Тамъ же я узналъ, что Воспитательный Домъ цѣлъ и Тутольминъ Иванъ Акинфовичъ оставленъ при немъ главнымъ начальникомъ; послалъ къ нему письмо, въ которомъ прошу, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ хлѣба и кусокъ сахару; подлинно скоро и прислалъ фунтъ сахару, вина бѣлаго бутылку и бѣлаго хлѣба. До слезъ была радость, что я это получилъ; не пивши чаю, котораго мнѣ немного далъ дьячекъ, почти цѣлый мѣсяцъ, а особливо въ болѣзни желалъ сего; благодарилъ Бога, что изъ крайности началъ выходить! А потомъ Тутольминъ и ѣсть присылывалъ, наконецъ и самъ меня посѣтилъ, удивился въ какомъ состояніи я нахожусь; узнавши отъ меня, въ какихъ я былъ опасностяхъ. Въ дьячковомъ домѣ уже никто не приходилъ грабить; можетъ быть были сыты, или отъ того, что тутъ Португальцы стояли, о томъ навѣрное не могу рѣшительно сказать.

Тутъ я взялъ у постояльца Русскаго двѣ прокламаціи отъ интенданта Лессепса, напечатанныя по повелѣнію Наполеона на Русскомъ и Французскомъ языкѣ къ народу Россійскому; содержаніе оныхъ больше клонится къ ихъ пользѣ, нежели обывателямъ: хотѣли прельстить словами, чтобъ привозили хлѣбъ и фуражъ въ Москву на продажу; но спасибо не оказалось такихъ дураковъ; въ Нѣмецкой Слободѣ и зачали было продавать мясники мясо; но на другой день у нихъ все даромъ поотымали Французы, и послѣ оныхъ прокламацій какъ же вѣрить ихъ словамъ? А мясники насилу ушли изъ Москвы. Кофій же, сахаръ и чай и вино продавали однѣ Французинки, пріѣхавшія съ ними, и то только за серебряныя деньги, потому и неможно было мнѣ купить ничего; хотя и осталось отъ всѣхъ денегъ у меня въ книжкѣ памятной 75 руб. ассигнаціями, которая у меня была зашита въ подушкѣ, тамъ же и часы золотые съ цѣпочкою бриліантовою спрятаны были, уцѣлѣли, и то удивительно, ибо и перины иныя растрасывали. Патенты на чины и рескрипты, присланные съ орденами отъ Государыни Екатерины Алексѣевны, блаженныя памяти Второй, и прочія бумаги, собранныя мною въ одно мѣсто, въ портфелѣ положены, и то было имя унесено; но какъ тамъ денегъ не нашли, въ саду у Шевалдышева ихъ и бросили; уже нашли оные послѣ меня, принесъ ко мнѣ Шевалдышева сынъ Александръ, всѣ мокрыя, насилу могъ высушить; обрадованъ былъ очень, что онѣ не пропали: еще Богъ до меня милостивъ, а ордена можно и купить, когда деньги будутъ. Счастіе было мое, что изба у дьячка была теплая; жилъ вмѣстѣ съ людьми и мѣщаниномъ Михаиломъ Николаевичемъ Поповымъ, что у меня домъ берегъ, какъ я иногда изъ Москвы выѣзжалъ. Дьячекъ Григорій Ивановичъ былъ его дядя, за то заплатилъ ему 25 руб. денегъ и за то, что мнѣ онъ

давалъ иногда чайку и меду; а потомъ живописецъ Иванъ Ивановичъ, фамилію его не помню, увидѣлъ моего человѣка Василья у воротъ стоящаго, и узнавши отъ него, что я пребываю здѣсь въ домѣ, ко мнѣ пришелъ, ибо мы прежде сего съ нимъ знакомы были, и жжалясь надъ моимъ состояніемъ, побѣжалъ къ Французскому генералу-ордонатёру, фамилія его Нёвевиль, Neuvevil'e, у котораго онъ былъ поневолѣ переводчикомъ, хотя Нѣмецъ, но зналъ по-французски, объяснилъ мое состояніе ему, и что я въ дурной квартирѣ лежу боленъ безъ малѣйшей пищи; сей ордонатёръ видно былъ добраго сердца, тронулся моимъ состояніемъ, или для того, что онъ изъ дому выѣзжалъ жить въ Кремль, тотчасъ прислалъ сего живописца просить меня жить въ тотъ домъ, гдѣ онъ стоялъ. Сей домъ г-на Веневитенова каменной о двухъ этажахъ; однакожъ, въ осторожность свою, я велѣлъ позвать къ себѣ того дома управителя, его зовутъ Иванъ Григорьевъ, согласенъ ли будетъ онъ на сіе? Пришелъ онъ ко мнѣ и просилъ усердно, говорилъ «при васъ-де мы всѣ дворовые люди спокойнѣе будемъ, да и люди меня лучше слушаться будутъ, а то многіе Французамъ помогаютъ».

Итакъ меня въ тотъ домъ перенесли восьмого числа Октября, и дали мнѣ пустыя двѣ комнаты, гдѣ прежде Французской офицеръ жилъ, уже все ограбленное; правду сказать подлинно, сей ордонатёръ доброй, велѣлъ своему повару мнѣ варить супъ мясной, и далъ мнѣ полторы головы сахару, кофію больше 5-ти фунтовъ, 7-мь бутылокъ вина бѣлаго, полторы штуки фризу, которымъ я одѣлъ себя и людей всѣхъ, даже и изъ Кремля присылалъ съ своимъ человѣкомъ мясо; и потомъ передъ выходомъ изъ Москвы мнѣ выпросилъ у Лессепса сто рублей денегъ и прислалъ съ тѣмъ же переводчикомъ. Стало и у Французовъ есть добрые люди и жалостливы надъ несчастными; дай Богъ ему здоровья! Даже и въ солдатахъ есть много добрыхъ людей; какъ я былъ въ саду у Шевалдышева уже больной и раненой, то иные Французы приходили только посидѣть съ нами, и съ собою вино разнаго сорту приносили, потчивали и насъ имъ, и дѣтямъ давали коринки, безъ сумнѣнія что все было награбленное; а иные были даже босы и наги, видно голыя ноги; однакожъ ничего не брали, и сапогъ ни съ кого не снимали, уходили отъ насъ ничего не сдѣлавши злого; разговоры иногда слышалъ на Французскомъ языкѣ, между ими похоже на ропотъ, «завелъ насъ Наполеонъ далеко, какъ то и когда увидимъ свое отечество, вѣдь еще не всю Россію взяли». Видно много недовольныхъ есть въ арміи, а большая часть служитъ изъ страху.

Какъ Французы оставили Москву, довольно разоренную, то и хотѣли поднять весь Кремль такъ было слышно, но видно не было уже время имъ

каналы для пороху подкапывать, или не было такихъ инженеровъ знающихъ, только часть стѣны къ арсеналу взорвали, да караульню съ колокольнею, а дворецъ зажгли. По выходѣ ихъ вступили казаки и прочія войска Россійскія подъ командою генералъ-маіора Ивана Дмитріевича Иловальскаго. Французы вышли изъ Москвы подъ командою маршала Мортье 11-го Октября до свѣту, пошли по Калужской дорогѣ; такъ было слышно.

Въ домѣ Веневитенова жилъ я до 23-го числа Октября, уже немного выздоровѣлъ, ходилъ пѣшкомъ, направлялъ ноги слабыя; ибо время сдѣлалось теплое и дни прекрасные, какъ бываетъ весною; иногда заходилъ обѣдать къ Тутольмину, спасибо ему, человѣкъ доброй, радъ былъ, когда приду, у него нашелъ я живущаго тайнаго совѣтника Повалишина, и приходившаго такъ же обѣдать генерала Сиягина, такъ же ограбленныхъ Французами. А какъ прикащикъ Степана Степановича Апраксина Бизбаумъ увѣдомился обо мнѣ, что я боленъ и нахожусь съ людьми моими въ домѣ Веневитенова, пришелъ ко мнѣ; я просилъ его, чтобы онъ перевезъ меня съ людьми моими въ село Ольгово Степ. Степановича. Радъ былъ, что онъ послушался и то сдѣлалъ. И такъ пріѣхалъ въ Ольгово 24-го Октября 1812 года въ Четвергъ; а тамъ что будетъ со мною на милосердіе Божіе и Его волю отдаюсь.

Въ семъ моемъ страданіи удивительнаго случилось къ замѣчанію слѣдующее.

1. Въ чужомъ домѣ, куда пришелъ, коляска и дрожки еще не были разграбленныя и домъ еще не былъ Французами зажженъ, велѣлъ я людямъ поскорѣй изъ коляски и дрожекъ взять что лучшее и спрятать, а особливо бѣлье и шкатулки; человѣкъ, бѣлье вынимавши изъ чемодана, изъ котораго въ тоже время выпала на землю одна книжка, которыхъ тамъ было положено до 60 лучшихъ. Я увидѣлъ сіе, что за книга сама собою выпала, и велѣлъ поднявъ принесть ко мнѣ: *Жизнь и страданія Іисуса Христа* на Французскомъ языкѣ, par Sainte Real. Я подумалъ: видно, и мнѣ страдать и терпѣть отъ злодѣевъ.

2. Образъ Казанской Богоматери, благословеніе отца моего артиллеріи капитана Ивана Григорьевича, данный мнѣ изъ рукъ его при конецъ его жизни, когда мнѣ еще было только 10 лѣтъ, грабителями Французами два раза былъ съ меня снятъ у купца Шевалдышева Тимоѳея въ саду; ибо на сихъ складняхъ есть цка серебреная и вызолоченая. Сей образъ на другой день обратно ко мнѣ приносили, въ первой разъ баба, а во второй разъ мальчикъ того купца и находили его въ саду. Благодарю Бога: весь цѣлъ и теперь у меня есть.

Въ Ольговѣ я жилъ съ 24-го Октября 1812 года по 11-е число мѣсяца Декабря уже 1815 года, всего три года и 16 дней. Отведенъ

мнѣ былъ домъ лѣтній; однакожъ я въ немъ прожилъ три зимы и до тѣхъ поръ держался тамъ, пока занемогъ простудою, коликою въ лѣвомъ боку, опять сдѣлалась pleuresie противъ самаго сердца. Степанъ Степановичъ Апраксинъ, сжалясь надъ моимъ состояніемъ, позволилъ мнѣ переѣхать въ сельцо Перемилово, его жъ владѣнія, гдѣ занялъ я одинъ флигель и съ моими людьми; благодарилъ Бога и Степана Степановича, что позволилъ жить въ тепломъ домикѣ, 10 верстъ отъ Ольгова Дмитровскаго жъ уѣзда, а отъ гор. Дмитрова 3 версты.

Живши въ Ольговѣ, время проводилъ, ѣздилъ на охоту съ борзыми собаками, а зимою съ ружемъ на лыжахъ, ходилъ почасту за зайцами: сіе дѣлалъ для моціону, чтобъ натуральные члены тѣла не ослабѣли. Иногда читалъ книги, иногда о чемъ нибудь сочинялъ, какъ-то окончилъ въ Ольговѣ о Страшномъ Судѣ, выбравъ изъ Библіи Ветхаго и Новаго Завѣта всепредвѣдущаго Бога, въ Троицѣ единосущной славимаго, чрезъ Его пророковъ. Еще большая тетрадь подъ названіемъ *Зеркало познать себя*, со многими замѣчаніями и съ протчимъ выбранными изъ Библіи же, къ познанію и объясненію ближнему; исправлялъ ошибки, какъ переписывали въ прежнихъ тетрадяхъ, кои мною жъ сочинены, а имянно тетрадь большая «О военныхъ осторожностяхъ къ познанію службы для каждаго чина»; еще тетрадь «О первомъ священникѣ Мельхиседекѣ», какъ онъ остался безроденъ, доказательство приведено изъ Священнаго Писанія; еще тетрадь «Возраженіе на книгу Жидовскую» или увѣщаніе, что І. Христосъ сынъ Божій, общій Спаситель, уже былъ на землѣ; доказательство выбрано изъ пророчествъ, кои были ихъ же роду Іудейскаго.

Забылъ я написать. Какъ изъ города Бронницъ переѣхалъ я жить въ Москву, былъ очень боленъ, имѣлъ pleuresie отъ простуды въ правомъ боку, или, лучше сказать, одинъ Богъ знаетъ отчего; но увидя себя на концѣ жизни, послалъ за попомъ своимъ духовникомъ, чтобъ пріѣхалъ съ дарами таинства Божія и меня исповѣдавши бъ причастилъ, что̀ и совершилось; благодарилъ всемогущаго Бога! Послѣ пріобщенія на третій день сдѣлалось мнѣ легче, такъ что день ото дня приходилъ я въ лучшее состояніе; однакожъ оной болѣзни продолженіе было около трехъ мѣсяцевъ. Во время исповѣди обѣщался я, если останусь живъ и здоровъ, сходить пѣшкомъ къ мощамъ угодника Божія Сергія Радонежскаго Чудотворца и преподобному Сергію отслужа молебенъ приложиться къ его мощамъ. Благодарилъ Бога, что сіе обѣщаніе по выздоровленія я исполнилъ. Къ Троицѣ дошелъ я въ 3-й день къ вечеру; а на другой день отслушавъ литургію и потомъ то обѣщаніе исполнилъ; послѣ же сего заѣзжалъ я въ Виѳанію къ митрополиту Платону, и онъ тогда былъ боленъ, правою рукою не владѣлъ, посидѣвъ у него часа

два, возвратился въ Москву благополучно. И такъ въ домѣ своемъ зачалъ жить, препоручивъ себя во всемъ Промыслу всемогущаго Бога.

А въ 1817-мъ году сельцо Перемилово, въ которомъ я жилъ, поступило по рядной въ приданое за дочерью Софьею Степановною: то Степанъ Степановичъ Апраксинъ писалъ ко мнѣ письмо, чтобъ я изъ того села выѣхалъ, почему и принужденъ я былъ искать себѣ квартиру въ городѣ Дмитровѣ или купить домикъ; квартиры за постоемъ полку не нашелъ, а купилъ домъ у исправника Дмитрія Ивановича Савастагулова, въ которомъ, по совершеніи купчей, и началъ, по опредѣленію всемогущаго Бога, жить съ моими людьми съ 7-го числа мѣсяца Мая 1817 года, а впредь что̀ со мною будетъ отдаюсь на волю моего Создателя: Онъ единъ предвѣдущъ.

Объяснилъ я поступки по службѣ для Государя и отечества и о протчемъ; а потомъ захотѣлось написать и нѣкоторыя свои молодыхъ лѣтъ шалости и любопытствы, случившіяся во время прошедшихъ дней моей жизни. Нехудо человѣку и въ порокахъ своихъ признаться: кто сіе прочитаетъ, будетъ отъ того, гдѣ только можно, остерегаться.

Какъ адъютантомъ былъ въ Архангелогородскомъ пѣхотномъ полку, въ праздное время учился я у музыканта Быхова плавать по водѣ одинъ и съ фашиною; онъ очень былъ этому мастеръ; при Фальчѣ въ Молдавіи Прутъ-рѣку я переплылъ съ онымъ Быховымъ, имѣвши передъ собою въ рукахъ фашину, а какъ пошли отъ рѣки Яломницы уже бывши съ полкомъ въ Валахіи въ корпусѣ генералъ-аншефа Эссена, и случилось полку идти подлѣ берега рѣки большой Дуная, день былъ очень жаркой; солдатъ и много офицеровъ отпущено было мыться и купаться въ Дунаѣ, захотѣлось и мнѣ. Отпросился и я у подполковника де-Лассія (что̀ нынѣ полнымъ генераломъ) и пошелъ съ подпоручикомъ Шестаковымъ купаться, у берегу много я плавалъ и легко, чему очень дивился Шестаковъ, что я мастеръ. Отъ сей похвалы родилось желаніе переплыть Дунай, а къ тому жъ и понуждало меня то, что сказали есть тамъ на островѣ удивительныя пещеры. Я перекрестясь и поплылъ; и переплывши уже середину, какъ взглянулъ, что тамъ очень крутой берегъ, то и испугался, что мнѣ пристать будетъ тамъ нельзя и негдѣ и такъ отъ сего воображенія тужъ минуту у меня руки опустились, я принужденъ поворотиться назадъ, и лишь доплылъ до стержня рѣки, гдѣ быстрѣе всегда вода течетъ, понесла меня оная по своей волѣ; я имѣлъ еще силы закричать Шестакову, чтобъ онъ постарался меня спасти—тому; а онъ нескоро и повѣрилъ, думалъ, что я кричу шутя; но увидѣлъ, что всѣ уже люди не берегу бывшіе зачали суетиться, сталъ искать тѣхъ, кто умѣетъ плавать; ибо тутъ лодки нигдѣ не было, а я уже изъ памяти выбился и захлебнулся нѣсколько разъ. Къ сча-

стію моему онъ нашелъ бомбардира изъ роты капитана Базина, зовутъ его Иванъ Григорьевичъ Дураковъ, которой плыть пустился по срединѣ и увидѣлъ только мои волосы; меня догналъ и нырнувши подъ меня такъ былъ силенъ, что одною рукою меня до половины изъ воды высунулъ наверхъ. Хотя и былъ я безъ памяти, однакоже проглянулъ на свѣтъ. Онъ велъ меня какъ рыбку одною рукою къ берегу, я другою плылъ, или лучше сказать гребъ; послѣ еще помогъ ему 1-й роты солдатъ Агѣевъ. Приведши меня къ берегу, не вытащилъ всего меня вонъ изъ воды, а весь корпусъ мой держалъ въ водѣ до тѣхъ поръ, пока я всю воду выблевалъ вонъ; и думаю, тѣмъ спасъ меня отъ водяной болѣзни или отъ горячки. Какъ тонулъ, эту смерть я точно испыталъ; ибо уже безъ чувствъ былъ; мучила меня совѣсть долго, что я произвольно и безъ нужды поплылъ на ту сторону и сдѣлался самъ себѣ для похвалы убійцею. Сему бомбардиру я заплатилъ все, что имѣлъ у себя дома денегъ, да у Базина капитана выпросилъ его въ 1-й классъ для большаго жалованья. Сей случай, думаю, помнитъ господинъ шефъ того полку, что въ Москвѣ, генералъ-маіоръ Рехенбергъ; ибо онъ въ томъ же полку былъ, служилъ прежде порутчикомъ, а потомъ капитаномъ, да можетъ быть и бомбардиръ Дураковъ еще живъ.

Еще тонулъ на Кавказской линіи, на рѣкѣ Терекѣ. Этому свидѣтель Степанъ Степановичъ Апраксинъ. Поѣхали мы осмотрѣть всѣ мосты по дорогѣ, что идутъ въ Грузію, тѣ, кои Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ дѣлалъ, для монумента своего имени, за Владикавказомъ, названнымъ отъ него же крѣпостію (а то было бездѣльный редутъ, четвероугольный изъ каменьевъ сложенъ, какъ огороды окладываютъ; а онъ за таковыя крѣпости и эту дорогу болѣе 700 тысячъ рублей уходилъ изъ казны царской). Доѣхали мы до перваго той рѣки пролива, увидѣли пирамиду на подобіе версты Царскосельской, что тамъ казалось чудесами, на которой вырѣзаны слова (я позабылъ что), а мосту только осталось клочки желѣза, весь вода наломала, ибо онъ былъ деревянной, окрѣпленъ желѣзомъ. Отъ сего Степанъ Степановичъ Апраксинъ воротился назадъ, а я поѣхалъ съ 6-ю казаками впередъ далѣе въ горы, чтобъ и другой увидѣть проливъ. Доѣхавши до онаго рѣки Терека, тамъ уже мосту и знаковъ нѣтъ, гдѣ былъ; сей рукавъ я переѣхалъ кой-какъ съ большою опасностію и съ казаками, очень вода быстра, а только была по колѣно лошади. Но чрезъ 3-й рукавъ той рѣки казаки мои не ѣдутъ, а говорятъ мнѣ, «что тутъ какъ Тамара полковникъ ѣхалъ изъ Персіи, то будто бы пять человѣкъ казаковъ утонуло». Я этому разсмѣялся и сказалъ: видно лошади ихъ были пьяны; а самъ, ударивъ свою лошадь плетью, которая прыгнула въ воду, и не успѣлъ я отъѣхать отъ берегу на 6-ть шаговъ, какъ лошадь моя повалилась

отъ быстроты воды и упору въ лошадь, хотя и по колѣно есть только глубины. Я ухватился за гриву и потомъ оторвался; вода меня то зальетъ, то я встану на ноги и боровшись съ водою сержусь, что не могу идти; но какъ изъ силъ выбился, то уже вода покатила меня какъ камень, и къ счастію моему прибила волнами ближе къ тому берегу, по которому казаки бѣжали и не спускали меня съ своихъ глазъ, подали мнѣ конецъ тупой пики и держали двое; боялись видно, чтобъ я ихъ не стащилъ въ воду. За конецъ пики меня вытащили на берегъ, гдѣ я отдыхалъ болѣе четырехъ часовъ, а лошадь пропала и съ сѣдломъ, водою унесена. Дали мнѣ казаки свою лошадь, а двое на одну сѣли, доѣхали мы до славнаго Владикавказа, которой никогда не владѣлъ Кавказскими горами и около ихъ горскими жителями. Отъ того мѣста оной редутъ былъ въ 25 верстахъ; тамъ отдохнувши, ибо былъ весь мокрой немного посушился, пріѣхалъ потомъ въ Моздокъ, гдѣ и Апраксина нашелъ. Онъ удивился что со мною случилось; я ему отвѣчалъ, что я доѣхалъ до самаго нельзя; однакожъ послѣ сего нельзя, я сдѣлался боленъ горячкою и уже въ Москвѣ вылѣчился, какъ пріѣхалъ жениться на Настасьѣ Ивановнѣ Бутрюмовой (что и совершилось въ церкви Рождества Христова на Петровской улицѣ 1785 года Октября 8 дня; отецъ посаженой былъ князь Юрій Владимировичъ Долгорукой, а мать Марья Степановна Талызина, сестра родная Степана Степановича Апраксина).

Когда Крымъ мы покорили силою оружія, князю Потемкину, какъ прихотливому вельможѣ, возили всякій день Донскіе казаки свѣжій ледъ, увѣряя всѣхъ, что они его достаютъ изъ пропасти на высокой горѣ. Я это услышавъ, отпросился у своего полковника Апраксина; поѣхали мы трое до того мѣста, гдѣ берутъ ледъ, съ капитаномъ гвардіи Киселевымъ Ѳедоромъ Ивановичемъ и маіоромъ Картановымъ; казакъ былъ намъ проводникъ. На дрожкахъ доѣхали мы до горы, а потомъ сѣли на казацкихъ лошадей и все на гору ѣхали верхами болѣе 5-ти верстъ. Потомъ пріѣхали на площадку, на коей были плиты камня дикаго; я спросилъ казака, гдѣ жъ то мѣсто, что вы ледъ берете, онъ мнѣ показалъ; подъѣхали мы къ ямѣ иррегулярной въ своей окружности, не болѣе кругомъ 26-ти аршинъ, отдавши лошадей держать казаку, зачали спущаться за казакомъ внизъ, то-есть шли мы всѣ трое; ступень болѣе 40 сдѣлали, такъ уже свѣтъ мало былъ виденъ сверху. Потомъ казакъ привязалъ веревку къ камню, и спустился еще ниже, по веревкѣ цѣпляясь руками и перебирая ножкъ, а намъ велѣлъ, коль скоро затрясетъ веревкою, тянуть оную вонъ, что мы и сдѣлали; и подлинно вытащили свѣжаго льду большой кусокъ. Я этому не повѣрилъ; говорю своимъ товарищамъ, можетъ быть туда казаки наказали льду, и насъ

обманываютъ, а болѣе для того, чтобъ съ князя брать деньги за ледъ. Спустился и я туда къ казаку, и подлинно нашелъ правду ихъ; какъ будто бы въ погребѣ тамъ холодно, и сосульки сверху висятъ, а внизъ пара еще пошла, куда я камень кинулъ, но эха отъ упаду не слыхалъ; видно очень далеко. И Карташовъ спускался, только Киселевъ не хотѣлъ; оттуда пріѣхали и уже всѣхъ увѣрили, что казаки ледъ дѣйствительно изъ пропасти возятъ. Послѣ сей опытности или повѣрки, я подумалъ о казакѣ первомъ, который добровольно рѣшился спуститься въ неизвѣстную пропасть, гдѣ могъ бы получить смерть, единственно, чтобъ угодить роскошному вельможѣ, а намъ уже не ужасно было то исполнить: былъ смѣлаго духа человѣкъ.

Въ Анкерманѣ Таврической области, что̀ послѣ дано названіе Севастопольская гавань, въ разсужденіи убѣжища Грековъ и монаховъ и ихъ служеній отъ Татаръ и Турокъ, сдѣлали они себѣ недалеко отъ пристани въ высокомъ берегу какъ въ горѣ каменной точно такія пещеры, какъ у васъ въ Кіевѣ, но только изъ камня выкопанныя, внутри жилища, и тамъ же престолы Божіи были, гдѣ они служили литургія для совершенія таинствъ. Но какъ ихъ изъ острова Крыму совсѣмъ выгнали, то тѣ мѣста видно послѣ трясенія земли открылись; половина ихъ вся упала въ заливъ морской, а другая осталась. Мы туда пріѣхали съ Апраксинымъ Степаномъ Степанычемъ осмотрѣть старый Херсонесъ, въ которомъ князь Владиміръ крестился и женился на царевнѣ Аннѣ Константинопольской; то тутъ намъ одинъ офицеръ сталъ пересказывать объ оныхъ пещерахъ. И такъ я рѣшился ихъ видѣть, и полѣзли мы съ нимъ наверхъ. Тропинка была очень узкая, правымъ плечомъ держались къ боку горы, а налѣво была крутизна въ море вышины болѣе 130-ти сажень, насилу долѣзли. Тамъ я списывалъ надписи въ каждой келіи и надъ престолами, писано было по-гречески; высмотрѣвъ все, сходить стали назадъ; тогда-то почувствовалъ я внутри что̀ такой за страхъ и ужасъ предстоящей и видимой смерти; и мой товарищъ поблѣднѣлъ; но другъ другу изъ честолюбія о робости души скрывали: ибо въ каждой ступени лишь бы нога оскользнулась, то должно упасть въ море; а ширины дорожка наша была не больше аршина, гдѣ было ужасное мѣсто для схода, Бога просилъ простить меня, что уже въ послѣдній разъ сей для любопытства проступокъ противъ здраваго разсудка сдѣлалъ, только свелъ бы насъ благополучно; съ Его святою помощію слѣзли мы, и пришедши все мы разсказали Апраксину. Оттуда съ нимъ поѣхали въ города Козловъ и Бахчисарай и въ прочія мѣста достойныя видѣть, и возвратились благополучно къ своему мѣсту. Забылъ я написать, прежде сего былъ я на горѣ, прозванной Четырдау въ Крыму же, до половины оной верхомъ взъѣхалъ, а

тамъ пѣшкомъ съ Татариномъ взошли, съ которой горы, если бъ зрѣніе доставало, можно бы весь Крымъ увидѣть.

Дуэли по волѣ моей имѣлъ два раза, а секундантомъ былъ три раза.

1-я дуэль была у меня, какъ былъ еще поручикомъ. Стояли мы лагеремъ подлѣ Журжи, что̀ на Дунаѣ, съ подпоручикомъ артиллеріи Новосильцевымъ, которому я ухо перерубилъ и на рукѣ рану далъ; но онъ такъ оробѣлъ, что на колѣняхъ стоя просилъ у меня прощенія; меня же немного по рукѣ онъ зацѣпилъ; дрались шпагами, бывши въ корпусѣ графа Ивана Петровича Салтыкова; за то что онъ дерзнулъ нашихъ офицеровъ вообще при мнѣ бранить. О сей дуэли зналъ Тарсуковъ Ардаліонъ Александровичъ, что̀ нынѣ при дворѣ Его Величества служитъ, а тогда былъ онъ квартирмистромъ въ 4-мъ гранодерскомъ полку.

2-я дуэль была уже въ 4-мъ гранодерскомъ полку (я служилъ капитаномъ; въ Польшѣ стояли лагеремъ) съ капитаномъ Ивановымъ. Я у его руки пальцы перерубилъ, что уже не могъ держать и шпаги; тутъ и помирились; а произошло за то, что онъ приревновалъ къ своей дѣвкѣ, къ которой я какъ Богъ святъ! ничего не чувствовалъ и не имѣлъ дѣла. Въ командѣ были тогда у бригадира Левашева Александра Ивановича, о чемъ и онъ послѣ узналъ, и Степанъ Степановичъ Апраксинъ потомъ узналъ.

Въ 1-й разъ секундантомъ былъ у маіора Григорья Потаповича Зиновьева и у поручика Коробьина Николая Григорьевича, кои служили въ томъ же 4-мъ гранодерскомъ полку, стоявши на квартирахъ въ городѣ Рославлѣ Смоленской губерніи. Они стрѣлялись, но къ счастію обиженный, т. е. Зиновьевъ, не попалъ въ Коробьина; то я совѣтъ далъ поручику Коробьину уже выстрѣлить вверхъ, дабы самому послѣ не попасться въ бѣду, если бы кто убитъ былъ; отъ сего великодушія они и помирились.

2-й разъ въ Москвѣ какъ дрались на шпагахъ князь Сергѣй Ивановичъ Адуевской съ княземъ же Иваномъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ. Я тогда жилъ въ домѣ Степана Апраксина и былъ тогда немного боленъ; какъ сей Адуевской пріѣхалъ и просилъ меня въ секунданты къ себѣ, что онъ ѣдетъ драться; я было не хотѣлъ, но Степанъ Степановичъ меня упросилъ. Рубились они на шпагахъ у Петровскаго дворца въ лѣсу, и Гагаринъ уже было его погналъ, даже мой Адуевской поскользнулся и упалъ; то я, остановя ударъ отъ шпаги, который летѣлъ по головѣ, сказалъ Гагарину, дай противнику исправиться, ибо я былъ у обоихъ одинъ секундантъ, на что самъ Гагаринъ согласился встать тому; а опослѣ сего Гагаринъ уже былъ порубленъ въ руку; тутъ я ихъ и развелъ; ибо уговоръ былъ до первой раны; и какъ я привезъ

домой цѣлаго Адуевскаго, то жена его и всѣ дѣти бросились ко мнѣ съ радостію благодарить за спасеніе отъ раны.

3-й разъ былъ секундантомъ у внучатнаго своего брата Пафнутія Алексѣевича Мосалова въ Петербургѣ еще при жизни Государыни Екатерины Алексѣевны. Онъ на палашахъ рубился съ поручикомъ конной гвардіи Сабуровымъ. Пришли они оба въ конюшню полковую, я былъ обоихъ свидѣтель, и другой просилъ меня и вѣрилъ мнѣ. Пафнутій Мосаловъ проигралъ и былъ въ двухъ мѣстахъ раненъ, по щекѣ и по плечу очень больно; я ихъ развелъ, и потомъ помирились, ибо братъ обидѣлъ Сабурова въ разговорахъ, и я тогда былъ еще секундъ-маіоромъ.

Пьянъ былъ я отъ роду семь разъ. Въ капитанскомъ чинѣ одинъ разъ въ Польшѣ въ селѣ Красномъ у полковника Матвѣя Петровича Ржевскаго. Былъ обѣдъ въ день его ангела; всѣхъ офицеровъ онъ употчивалъ досыта, и сдѣлался между капитанами споръ о повиновеніи и любви солдатской къ своему командиру. Нѣкоторые офицеры говорили, гдѣ есть слѣпое повиновеніе, тамъ уже нѣтъ и любви искренней къ начальнику. Я спросилъ напротивъ, все можетъ сдѣлать въ солдатахъ, когда капитанъ хорошъ, то солдаты его боятся и любятъ; а какъ была моя рота гренодерская и стояла въ штабу, то я съ позволенія полковника и послалъ за нею, чтобъ пришла съ ружьями. Рота собралась передъ квартиру полковника, я хотя тогда былъ уже очень пьянъ, ему отдалъ честь, а потомъ велѣлъ заряжать ружья; и какъ они отзывались, что нѣтъ холостыхъ патроновъ, то я приказалъ зарядить съ пулями, чтобы выстрѣлить въ воду; ибо у двора былъ прудъ. Они зарядивши съ пулями послушались, а я какъ стоялъ передъ ротою на мѣстѣ, такъ и командовалъ залпъ будетъ, и выстрѣливши закричалъ ступай, ступай, я самъ въ воду кинулся, и они всѣ за мною бросились въ воду; однакожъ если бы меня гренодеры тутъ не спасли, я бы вѣрно захлебнулся, ибо очень былъ пьянъ, вытащили мокраго. На другой день уже споръ рѣшился симъ опытомъ; ибо повиновеніе было, что гренодеры послушались броситься въ воду, хотя и всѣ перемокли и вымарались. А любовь была доказана, что меня спасли изъ любви и сожалѣнія собственно своего и вытащили вонъ; а осторожность была соблюдена, та, что противъ меня рады не стрѣляли, видя меня пьянаго.

Еще былъ въ маіорскомъ чину два раза въ Москвѣ и Петербургѣ. А въ подполковничьемъ чину ни разу не былъ. Въ полковничьемъ чину пьянъ былъ три раза въ Деражнѣ, у Василья Ивановича Турчанинова, у него обѣдали и потомъ по солдатски подкуликнули, гдѣ былъ и Степанъ Степановичъ Апраксинъ, въ Польшѣ, въ Виницѣ и въ Овидіополѣ въ Бесарабіи. Сію крѣпость строилъ я съ полкомъ на лиманѣ Чернаго моря. Какъ у меня былъ въ полку полковой праздникъ, со

всѣми штабъ и оберъ-офицерами гуляли въ лагерѣ. Да въ генералъ-маіорскомъ чину одинъ разъ у Апраксина Степана Степановича какъ къ нему заѣхалъ проститься въ Овидіолѣ, ѣхавши къ полку своему въ Гродню, тогда чуть было не умеръ отъ проклятаго пунша.

Играть въ карты началъ я съ чину адъютантскаго, а причиною былъ сего нѣкто поручикъ въ дежурствѣ графа Румянцева-Задунайскаго Шершневъ; до того меня выучилъ и обыгралъ, что послѣ уже сталъ брать въ долгъ и ему проигрывать; однакожъ нашего полку секундъ-маіоръ Адлербергъ много меня отъ сего воздержалъ. Но во всю мою жизнь никогда изъ вещей своихъ ничего не проигрывалъ, а послѣ какъ узналъ всякаго сорта игры, то уже имѣлъ контенансъ и осторожность и сталъ выигрывать самъ, а особливо какъ въ Польшѣ стояли; тутъ мнѣ очень посчастливилось, и что я имѣлъ хорошихъ вещей и имѣніе по большой части отъ выигрышу; казенныхъ же денегъ никогда не касался. Правду сказать, что иногда занималъ у своихъ братьевъ, кои вѣрили мнѣ безъ росписокъ; но выигравши или получивши откуда деньги, всегда скоро долги платилъ. Мнѣ же остались и о сю пору должные: Бабарыкинъ, что̀ былъ въ Сенатѣ прокуроръ, а со мной служилъ поручикомъ, 300 руб. Въ Архангельскомъ полку Гедеоновъ, что̀ былъ въ Астрахани комендантомъ, 1000 рублей. Князь Щербатовъ Иванъ Михайловичъ, что̀ былъ полковникомъ въ Московскомъ полку, 150 рублей. А брали въ долгъ подполковникъ Бемъ, которой былъ у меня въ полку, 400 руб. Въ томъ же Новогородскомъ полку служилъ и пошелъ въ отставку поручикъ Вельяминовъ 310 руб. На подпоручикѣ Янчюровѣ 420 руб., да на полку Новогородскомъ по претензіи на комиссіи провіантской 11216 р. Въ разныя времена въ полкъ не отпущены, кои я принялъ на счетъ полковаго исправленія. На подполковникѣ Стояновѣ, что̀ нынѣ генералъ-лейтенантъ, 300 руб. Но всѣхъ сихъ денегъ выигранныхъ и забранныхъ въ долгъ и о сю пору считаю въ умѣ, а получу, когда ихъ совѣсть узнаетъ. Теперь бы въ Бровницѣ годилось на мелкіе расходы, да видно, не знаютъ, что я ни полушки, кромѣ половинной пенсіи, ни откуда доходу не имѣю, и вѣрно не слышутъ о нуждѣ ближняго *).

(Изъ III-й части Щукинскаго Сборника и VIII-й части изданныхъ П. И. Щукинымъ бумагъ 1812 года).

---

*) Намъ неизвѣстенъ годъ кончины достопочтеннаго Русскаго воина. Могила его въ Московскомъ Андроньевомъ монастырѣ. Получили извѣстность правнукъ его Василій и Илья Васильевичи Селивановы, внуки его дочери, Анастасіи Сергѣевны Макеровской. П. Б.